

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬ-
НОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Место глаголов второго (назального) класса
в системе праславянского глагола (в индоевропейской перспективе)**

основная образовательная программа магистратуры по направлению подго-
товки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

обучающийся 2 курса
образовательной программы
«Теория и история языкаи языки народов Европы»
Профиль: «Индоевропеистика»

очной формы обучения
Леончук Евгений Иванович

Научный руководитель:
к. ф. н., доц. Шацков А. В.

Рецензент:
д-р, ст. иссл. Акерманн Е.

Санкт-Петербург
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
I. Индоевропейские назальные презенсы	7
1. Гипотезы XIX – начала XX веков	7
2. Основные теории XX века и современные тенденции.....	13
3. История исследования славянских назальных презенсов	25
II. Обзор древнейших индоевропейских глагольных систем.....	27
1. Система ведийского глагола	27
2. Система греческого глагола.....	34
3. Система хеттского глагола.....	39
4. Система протоиндоевропейского глагола	43
III. Старославянский назальный класс в системе старославянского глагола и в ареальной перспективе.....	45
1. Назальный класс в системе готского глагола	45
2. Назальный класс в системе литовского глагола	58
3. Система старославянского глагола	63
4. Место назальных глаголов в системе старославянского языка	70
Заключение	81
Список цитируемых источников	84
Приложения	87

ВВЕДЕНИЕ

В индоевропейской глагольной системе нет другого такого форманта, который вызывал бы столько разногласий, как назальный. Сам его инфиксальный характер, реконструируемый для праиндоевропейского, выбивается из общей системы. При этом даже в ведийском, где наиболее явно представлены атематические инфиксальные назальные классы (реконструируется три класса: с инфиксом в корнях на неслоговой *-и-*, смычный и ларингал), они предстают разрушающимися, в то время как новые, тематизированные классы с этим формантом, который вместе с финалью корня (неслововым *-и-* или выпавшим ларингалом) переосмыслен как суффиксальный, сохраняют свою продуктивность. По этой причине для синхронного ведийского уровня выделяют один инфиксальный класс (в корнях на смычный) и два суффиксальных. Помимо ведийского только в хеттском представлены все три класса.

В других индоевропейских языках не видна исходная система из трёх назальных инфиксальных классов: в древнегреческом, тохарских и балтийских сохраняются и распространяются глаголы, восходящие к двум из инфиксальных классов. И если, например, в континентальных германских языках представлены только отдельные реликты с назальным формантом, в некоторых других индоевропейских назальный класс впоследствии вновь обретает продуктивность, причём распространиться может как инфиксальный класс (например, в литовском), так и суффиксальный (например, в готском). Другой важной особенностью поздних глаголов продуктивных назальных классов является тематизированный или тематический тип их спряжения.

В славянских языках представлено четыре инфиксальных глагола и класс суффиксальных, в котором выделяются два противопоставленных типа: непереходные инхоативные и семельфактивные. По инхоативному характеру первый из этих типов традиционно объединяется с инфиксальными. Не разрешённым и дискуссионным остаётся вопрос об истоках двух назальных суффиксальных типов.

Объект исследования – славянские суффиксальные назальные глаголы.

Предмет исследования – распределение суффиксальных глаголов по формальным и семантическим критериям, характеристика связей каждой из выделенных подгрупп между собой и с глаголами других глагольных классов; сопоставление положения назальных глаголов в системе праславянского глагола с положением назальных глаголов в глагольных системах других индоевропейских языков.

Проблемы исследования:

- 1) происхождение инфинитивной огласовки форманта;
- 2) связь семантики глагола с корневой огласовкой;
- 3) основания для вычленения первичных и вторичных назальных глаголов;
- 4) связь наличия или отсутствия противопоставления аористных и презентных форм глагола с его семантикой и происхождением;
- 5) верификация существующей терминологии, используемой для описания семантических подгрупп класса;
- 6) верификация ареальных гипотез.

Цель исследования состоит в определении путей генезиса двух основных типов праславянских глаголов с назальным суффиксом.

В соответствии с целью формулируются частные **задачи** исследования:

- 1) распределение глаголов II класса по таким формальным признакам, как корневая огласовка, и выявление связи корневой огласовки с относительной хронологией вхождения глагола в класс;
- 2) рассмотрение причин исчезновения в классе противопоставления двух основ (презентной и аористной), обзор версий происхождения инфинитивной огласовки и слабых сторон каждой из версий, выделение двух типов по соотношению форм аориста с презентными формами и выявление направления деривационных процессов, приведших к образованию двух семантически несходных типов в одном глагольном классе;

3) рассмотрение различий в положении внутри глагольной системы двух типов суффиксальных назальных глаголов и выявление системных связей с другими глагольными классами;

4) обзор версий о праиндоевропейских истоках славянских назальных глаголов, о североиндоевропейской общности «инхоативного» типа суффиксальных назальных глаголов и выявление слабых сторон гипотез.

Решение этих задач (особенно в части, касающейся происхождения глаголов и их отношения к семантически сходным глаголам других индоевропейских языков) невозможно в рамках как непосредственно славянского материала, так и только методами внутренней реконструкции. Первая глава посвящена обзору истории изучения индоевропейских назальных глаголов в целом и славянских назальных глаголов. Во второй главе на основе наиболее архаичных глагольных систем вычленяется гипотетическая протоиндоевропейская система с динамиченским ударением, следствием существования которой является нулевая корневая огласовка назальных глаголов (и суффиксальных глаголов в целом) и аблаутные чередования полной и нулевой ступени назального форманта. Третья глава посвящена «инхоативным» назальным презенсам как ареальной изоглоссе, пересмотру глагольных систем северной ветви индоевропейских языков с учётом выявленной в предыдущей главе гипотетической системы динамическим ударением и места назальных глаголов этих языков в синхронных системах языков и в гипотетической.

Исследование производится на основе сплошной выборки готских глаголов и избирательной выборке литовских (только первичные) и старославянских глаголов (только непродуктивные типы). **Материалом** для выборки послужили следующие лексикографические источники:

1. Streitberg W. Die gotische Bibel: gotisch-griechisch-deutsches Wörterbuch. – Heidelberg: Karl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1910. – Т. 1. – 77 S; Т. 2. – 63 S; Т. 3. – 64 S.

2. Lyberis A. Lietuvių – rusų kalbų žodynas. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. – 951 p.

3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э.Благова, Р.М.Цейтлин, С.Геродес и др.; под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.

В качестве основных **методов** исследования были использованы методы внешней и внутренней реконструкции, формальный и семантический сопоставительный анализ рассматриваемых глаголов.

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования происхождения суффиксального назального класса с учётом последних работ в этой области.

(Приложения будут представлены в печатной версии работы).

I. Индоевропейские назальные презенсы

1. Гипотезы XIX – начала XX веков

Карл Рихард Лепсиус (впоследствии известный египтолог) в 1834 году выпустил небольшую работу «*Palaeographie als Mittel für die Sprachforschung*»¹, в которой предположил для санскрита три чередования: *guṇa||∅*, *guṇa||vr̥ddhi* и *guṇa||anusvāra*. Анусвара – диакритический знак в дewanagari для обозначения назализации гласного. Последнее чередование он видел в формах др.-инд. *syand-* || *syad-*, (*syandate* ‘бежит’, *syada* ‘скорость’), где последний вариант корня считал первичным. Спонтанная назализация охватывала только формы двойственного и множественного числа презенса. Александр фон Гумбольдт считал такую ничем не обусловленную назализацию стремлением к эвфонии. Впоследствии этой гипотезы придерживался Георг Курциус.

В 1837 году вышла первая работа, которую можно отнести к одной из существующих до наших дней теорий, «теории метатезы». Это была «Сравнительная грамматика» Франца Боппа. В отличие от сторонников гипотезы анусвары и спонтанной эвфонической назализации полной ступени корня, считал, что формы единственного числа с полной огласовкой форманта первичней, чем формы двойственного/множественного: *bhinadmi* ‘разбиваю’, *bhindmas* ‘разбиваем’. Формы с инфиксальным формантом считал вторичными относительно суффиксальных, для *bhinádmī* предполагал незасвидетельствованную форму **bhidnāmi* (*√bhid-*) с сокращением гласного форманта после метатезы. Вывод этот обосновывал сопоставлением с материалом древнегреческого: санск. *chinádmī* соответствует др.-греч. *σκίδνημι*, который является более архаичным образованием с суффиксом, в то время как *chinádmī* – санскритское новообразование.

¹ Изложение идей лингвистов XIX века (вплоть до Ф. де Соссюра) по монографии Ф. Б. Я. Кёйпера, в которой содержится их подробный обзор (Kuiper F. B. J. *Die indogermanische Nasalpräsentia*. – Amsterdam, 1937. – P. 3–34).

В 1839–1842 годах вышел «Griechisches Wurzellexikon» Теодора Бенфея. Он предположил для некоторых глаголов с суффиксальными формантами, имеющими параллели в именных образованиях, деноминативное происхождение. Так, презенсы др.-греч. *τύπτω* и лат. *flecto* суть производные от соответствующих to-причастий. Древнеиндийский V класс (тип *sunóti*) он производил от nu-причастий, IX класс (тип *grbhñāti*) – от na-причастий, VII класс (тип *tanóti*) – от u-прилагательных (*tanú-*). В VII же назальном классе (наглядно инфиксальном) он предположил бывший IX класс с расширителем (die Erweiterung): **yunāmi > yunajmi*. В формах двойственного и множественного числа гласный форманта синкопировался. В более поздних работах (из сопоставления с древнегреческим) пришёл к выводу, что глаголы VII класса могут восходить не только к суффиксальным назальным глаголам IX класса, но и к суффиксальным назальным глаголам V класса: *yunákti* и *ζεύυνμι* (V > VII), *chinátti* и *σκίδνμι* (IX > VII).

В 1853 году Адальберт Кун опубликовал две работы под общим названием «Об основах с назальным расширением». Он выявил параллелизм в образовании древнеиндийских назальных и йотовых презенсов. Так, от некоторых корней зафиксированы как формы с суффиксом *-na-* (IX класс), так и с суффиксом *-āya-* (*grbhñāti : grbhāyāti*), как с суффиксом *-no-* (V класс), так и с суффиксом *-ūya-* (*stabhnoti : stabhūyati*). Все эти глаголы (независимо от Бенфея) он считал деноминативными и во второй работе пытался доказать происхождение глаголов V класса от именных основ на *-nu-*, а IX – от основ на *-na-*. Глаголы VII класса он также считал новообразованием, но в результате не переразложения (метанализа), а метатезы.

В 1880 году Карл Бругман в работе «Седьмой класс арийских презенсов» формулирует положение, не утратившее актуальности: инфиксация несовместима с правилами морфологии праиндоевропейского языка. Далее он подчёркивает, что соответствий VII классу не встречается за пределами индоарийской группы и невыводим ни из атематических V и IX классов, ни,

тем более, из тематических глаголов типа *vindáti*. Такие глаголы VII класса, как др.-инд. *bhanákti* и *tanákti* образовались по аналогии с др.-инд. *anákti* (*√anag-* ‘мазать, украшать’), некоторые другие появились в результате вторичной тематизации аналогического же характера: форме 3 pl. *añjánti* соответствует как атематический *anákti*, так и тематический *añjati*; так же от *yuñjánti* (*yuñjāti*) достроена (и распространяется) форма *yunákti*. Гипотеза не получила поддержки (да и *√anag-* – суффиксальное расширение *√añ-*, который вторично оформлен по VII классу).

Идея же о несовместимости инфиксации с правилами морфологии праиндоевропейского была не нова, ещё в 1862 году её озвучил Август Шлейхер в своем компендиуме. Тем не менее, предпринимались попытки опровергнуть это утверждение. Август Фик считал, что такие греческие формы как *πηδαλίον* ‘кормовое весло’ наряду с *πηδόν* ‘весло’, *τρυμαλία* ‘дыра’ наряду с *τρύμη* ‘плут’, *μαγδαλία* ‘хлебный мякиш’ наряду с *μάζα* ‘тесто’, говорят в пользу инфикса *-αλι-*, а *νοσακερός* ‘болезненный’ наряду с *νοσερός* ‘больной’ – в пользу инфикса *-ακ-*. Вильгельм Шульце предполагал инфикс *-ni-* на основе лит. *knìsti* : *kàsti* (‘рыть’). Франц Шпехт считал, что в пользу существования *r*-инфикса говорят др.-греч. *σκηρίπτομαι* ‘упираюсь’ при *σκήπτομαι* и *σκαρίφάσθαι* ‘вскапываю’ при *σκάπτω*. Как справедливо замечает Кёйпер, ни одному из исследователей не удалось убедительно показать, что инфиксация здесь действовала на уровне праязыка; единственным примером ее действия остается глагольный тип *yunájmi*.

В 1879 году молодой швейцарский исследователь Фердинанд де Соссюр сформулировал в работе «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках»² ряд фундаментальных положений. Прежде всего, это аблаутная теория: каждый индоевропейский корень имеет полную

² Соссюр Ф. де. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках // Труды по языкознанию. – М., 1977. – С. 302–562.

огласовку *-e-* (a_1), которая чередуется с полной огласовкой *-o-* (a_2) и с нулевой огласовкой. Если в корне также присутствует сонант (*-i-*, *-u-*, *-r-*, *-l-*, *-m-*, *-n-*), на нулевой ступени корня слогообразующим становится он: *-i-*, *-u-*, *-r-*, *-l-*, *-m-*, *-n-*. Однако на основе IX класса древнеиндийских глаголов де Соссюр реконструирует ещё один сонант А (или «сонантный/сонантический коэффициент», как он называл все сонанты) который выпал, вызвав продление полного корневого гласного, а в позиции с нулевой огласовкой вокализовался как *-i-*: *punāti* ‘очищает’ (где $\bar{a} < e + A$), таким образом, отражает форму **pu-ne-A-ti*, подтверждением чему служит основа причастия *rūtá-* < **puA-ta* (корневая долгота которого необъяснима в рамках классической реконструкции), а также инфинитив *pavitum* < **rauA-tum*. Следовательно, IX класс в его реконструкции также становится инфиксальным. Тот же подход он применяет и к V классу, отделяя глаголы с финалью корня *-u-* от глаголов, у которых присоединяется цельный суффиксальный формант **-neu-* < **-na₁-u-*, возникший в результате метанализа.

Также де Соссюр заявляет о неприятии выведения глаголов VII класса из IX и V классов только на основании теоретической нежелательности инфиксации, предпочтительнее под давлением фактов признать инфиксацию и пересмотреть взгляд на праиндоевропейскую морфологию.

Одним из первых поддержал де Соссюра Хельгер Педерсен³. Приняв его гипотезу о трёх инфиксальных классах, восходящих к единой модели, и подтвердив её новыми примерами, Педерсен обратился к тематизированным греческим назальным глаголам.

В древнегреческом представлены аналоги IX и V древнеиндийских классов – атематические презенсы с основой на ларингальный *-vā-/va-* (тип *δάμνῃμι* ‘укрощаю’) и атематические презенсы с основой на сонант *-vū-/vu-* (тип *ζεῦννῃμι* ‘соединяю’) (то есть качественное чередование полной и ну-

³ Pedersen H. Das Präsensinfix *n* // IF 2, 1893. – S. 285–332.

левой огласовки суффикса **-νευ-/νυ-* сменяется количественным *-νῦ-/νυ-*, подобно ларингальному классу). Возник и распространился тематический класс с суффиксом *-νε/o-* (тип *κάμνω* ‘устаю’) и его вариант, тематический класс с суффиксом *-ανε/o-* (тип *ἀμαρτάνω* ‘промахиваюсь’), также встречаются тематизированные глаголы с назальным инфиксом и суффиксом *-ανε/o-* (тип *πυνθάνομαι* ‘осведомляюсь’). Но даже среди атематических глаголов большинство являются новообразованиями: от основы аориста с полной ступенью корневой огласовки.

Педерсен считает, что тематический класс с суффиксом *-ανε/o-* является тематизированным вариантом презентов IX класса на **-ανημι*; также тематизации с тем же суффиксальным формантом подверглись инфиксальные глаголы VII класса (*πυ-ν-θ-άνο-μαι*). В этот тип попадают и некоторые поздние деноминативы. Вообще же он считает, что исходный инфиксальный класс не может являться деноминативным.

Славянский второй (назальный) суффиксальный класс (класс на *-n̥ti*) Педерсен возводит к IX (*-nā-*) классу.

В вышедшей в 1900 году работе «Индогерманский аблаут» Герман Хирт предположил, что огласовка назального форманта принадлежит не ему, а корню. Он приводит целый ряд примеров, которые, по его мнению, подтверждают тезис о том, что формы типа *yunákti* (*yu-n-ek-ti*) базируются на корнях типа **i̯(e)u-eg-*: так, др.-инд. *u-n-át-ti* ‘смачивать’ соответствует ст.-слав. **вода** (< **u-ad-*); др.-инд. *u-n-áb-dhi* ‘вязать’ соответствует др.-в.-нем. *weban* ‘складывать’ (< **u-abh-*); др.-инд. *ṛ-ṇ-ák-ti* соответствует лат. *rego* (< **r-aj-*); др.-инд. *ṛ-ṇ-adh-at* ‘процветать’ соответствует ст.-слав. **родъ** (< **r-adh-*) и т. д.

Впрочем, в «Индogerманской грамматике»⁴ (в последнем томе четырёхтомного издания, вышедшего в 20-е годы XX века) он допускает, что назальный формант является не просто инфиксом, но составным аффиксом: назальный инфикс *-n-* с детерминативом, исходно представляющим собой последнюю фонему корня с аблаутным чередованием огласовки, а впоследствии переосмысленным как расширитель основы. К корню **ster-* ‘распространять’ присоединяется назальный формант (**ster-n-*), а уже к нему – детерминативы *-a-* и *-u-*, в результате чего возникают формы **sterna-* и **sterneu-*.

Бругман в монументальной работе «Grundriß»⁵ возвращается к теме назальных глаголов. Он отказывается от своей прежней идеи о происхождении VII класса древнеиндийских глаголов от глаголов V и IX классов, но не принимает гипотезу де Соссюра об исходной инфиксальной природе этих трёх классов. В рамках своего труда, Бругман выделяет целых семь праиндоевропейских классов назальных глаголов (с XII по XVIII). Пары XII–XIII, XV–XVI и XVII–XVIII соответствуют древнеиндийским классам глаголов (V, VII и IX) и их тематизированным вариантам, которые Бругман считает вторичными. Также вторичным является его деноминативный тематический XIV класс с суффиксами *-ṇpo-*, *-epo-*, *-opo-*; иногда он бывает расширен ещё и йотовым формантом (*-jo-*), как в древнеиндийском типе *iṣaṇyati* и в греческих глаголах на *-αινω*. В XII классе (= V, ларингальный, класс) Бругман выделяет суффикс *-nā-*, *-nə-*, *-n-* и обращает внимание на нулевую огласовку корня: др.-инд. *mṛṇāmi* ‘бью’, др.-греч. *μάρναμαι* ‘бьюсь’, др.-инд. *lināmi* ‘сжимаюсь’, др.-инд. *krīṇāmi* ‘покупаю’ и т. д. Исход основы может быть представлен гласным, плавным или носовым сонантом. Исход основы на взрывные и фрикативные представлен в XV классе (= VII, инфиксальный, класс). Бругман отмечает, что данный класс зафиксирован только в индоарийском ареале. По его мнению, данный класс суффиксальный и восходит к

⁴ Hirt H. Indogermanische Grammatik. Teil IV: Doppelung, Zusammensetzung, Verbum. – Heidelberg, 1928.

⁵ Brugmann K. Grundriß der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. – Strassburg, 1886–1900.

XII: формы **iug-n-mes*, **iug-n-te* претерпели метатезу, а остальные формы были достроены по аналогии с глаголами типа *anákti*. Это расщепление XII класса произошло ещё в праязыке, поэтому в зафиксированных языках в этом классе не представлены глаголы с исходом основы на взрывной и фрикативный. Также Бругман отрицает исходный инфиксальный характер форманта в XVIII классе (= IX класс, с финалью корня *-u-*): по его мнению, это тот же XII класс с детерминантом *-eu-*. В подтверждение этого, Бругман приводит примеры на чередование *-u-* || *-nu-* в пределах одного корня: гот. *stráuja* и др.-инд. *str̥nóti*, др.-греч. *στόρνῦμι*; др.-инд. *śróṣi* и *śṛnóti*; др.-греч. *ελύω* и др.-инд. *vṛnóti* и др.

В 1919 году выходит работа Марстандера⁶, посвящённая новооткрытому хеттскому языку. На его материале Марстрандер определил, что инфиксация была в хеттском языке: *hark-* ‘погибать’ в «сильных» формах презенса имеет основу *har-ni-ik-*, а в «слабых» – *har-ni-in-k-*. При этом основа с инфиксом обладает каузативным значением (*har-ni-ik-mi* ‘гублю’, *har-ni-ik-zi* ‘губит’, и т. д.). Следовательно, древнеиндийский VII класс не может являться вторичным индоиранским образованием.

2. Основные теории XX века и современные тенденции

В 1937 году вышла монография Франциска Бернардуса Якобуса Кёйпера «Die indogermanische Nasalpräsentia»⁷, которая была целиком посвящена проблеме назального форманта. Собственно, она является наиболее содержательной работой по данному вопросу, потому ей необходимо уделить больше внимания, чем трудам лингвистов XIX и первой трети XX веков. Работа Кёйпера состоит из четырёх частей. Первая часть посвящена обзору гипотез и теорий предшественников. Во второй части Кёйпер осуществляет обзор праиндоевропейских форм с детерминативами: *s*-презенсы, *eĥ*-презенсы,

⁶ Marstrand C. J. S. Caractère indoeuropéen de la langue hittite. – Christiania, 1918.

⁷ Kuiper F. B. J. Die indogermanische Nasalpräsentia. – Amsterdam, 1937.

et-презенсы и т. д. Исходя из этого, далее он пытается определить место назального форманта в этой системе расширителей и, вместе с тем, дать характеристику его своеобразию, а также проследить дальнейшую эволюцию назальных форм. В третьей части, сообразно своим представлениям об относительной хронологии развития форм, он группирует примеры письменной фиксации назальных глаголов в истории отдельных индоевропейских языков. В четвертой части Кёйпер пытается определить семантику назального расширителя.

Кёйпер исходит из того, что греко-арийскую глагольную систему нельзя проецировать на праязыковой уровень. По его мнению, исходно были противопоставлены две основы: презенса и претерита с одной стороны, и перфекта – с другой. Аорист и футурум вторичны. Из проведенной Педерсеном параллели между индоевропейскими s-футурумом и s-аористом, Кёйпер выводит атематический s-презенс: его следы он видит в формах др.-инд. *bhiṣ-* (*bhy-as-*) ‘бояться’, *pruṣ-* ‘брызгать’, лат. *gero* ‘нести’, и др. Также он приводит примеры на однокоренные слова, которые отличаются наличием и отсутствием форманта -s/-as-: др.-инд. *trásati* ‘дрожать’ (**tr-és-e-ti*) при *taralá-* ‘трепещущий’ (√**ter*); лат. *pressum* ‘давить’ при рус. *переть* (√**per*). Эту систему можно представить на примере корня **leik^u*- «оставлять, удаляться» (др.-инд. *riṇákti*, лат. *linquō*, др.-греч. *λιμπάνω*, др.-прусс. *palīnka* и др.):

Pr. 1. s. **lik^u-és-mi* Pr. 1. pl. **lik^u-s-més*

Prt. 1. s. **é lēik^u-s-m̥* Prt. 1. pl. **é lēik^u-s-me*

Конъюнктив он не считает исходно модальным, потому конъюнктив **leik^u-s-ō*, от которого затем произошли формы тематического презенса и аориста, первично немаркирован. На основании этой реконструкции Кёйпер выводит закономерность между отсутствием огласовки в корне при полной огласовке форманта и противоположной ситуацией: полной огласовке корня при нуле в форманте.

Следующим шагом Кёйпер обращается к назальным s-презенсам. Его пример – $\sqrt{śiṣ-}$ (*śinaṣṭi*) ‘покидать’ (у которого нет надёжных соответствий за пределами индоарийской группы):

Pr. 1. s. и.-е. $*ś(i)ṣ-mi$ др.-инд. *śinásmi*

Pr. 1. pl. и.-е. $*śi-ṣ-más$ др.-инд. *śiṃṣmáh* ($*śi-n-s-más$)

От этой презентной основы образованы имперфект *aśinasam* и конъюнктив *śinasāni*. Исходный конъюнктив реконструируется напротив, с полной ступенью назального форманта: $*śy-án-s-ā$. Для подтверждения этой реконструкции, Кёйпер обращается к глаголу $*d^heu-$ ‘рассыпаться, дробить’: форма без назального аффикса $*d^hu-es-$ заствидетельствована в литовском *dvesiù* ‘пыхтеть’ и др.-инд. *dhvasáyati* ‘обрызгивать’, форма с назальным аффиксом выглядит как $*d^hu-n-es-$. На основе конъюнктива от этой формы $*d^hu-én-sō$ выстроена парадигма др.-инд. *dhvaṃs-* (*dhvaṃsati*); аналогично трактуется др.-инд. *sráṃsate* ‘разрушаться’ ($< *sr-én-s-ō$, $\sqrt{*ser-}$) и некоторые другие формы. Следовательно, назальный формант в действительности является не инфиксом, но расширителем $-ēn-/-n-$, добавленным к нулевой ступени корня. Реконструированные Кёйпером формы от $\sqrt{*d^heu-}$ выглядят следующим образом:

Pr. 1. s. $*d^heu-en-és-mi$ > $d^hu-n-és-mi$

Pr. 1. pl. $*d^heu-en-es-més$ > $d^hu-n-s-més$

Prt. 1. s. $*d^heu-én-es-ṃ$ > $d^hu-én-s-ṃ$

Cj. 1. s. $*d^heu-én-es-ō$ > $d^hu-én-s-ō$

Формант, огласовка которого демонстрирует аблаутное чередование, перетягивал на себя ударение, что приводило к редукции и апокопе безударного гласного корня. Следовательно, структуры \sqrt{CeCC} и \sqrt{CCeC} могут восходить к структуре $\sqrt{CeC+eC}$ (корень + расширитель). Из этого не следует, что все корни сходной структуры (\sqrt{CReC} , \sqrt{CeRC} , \sqrt{CeCC} и т. д.) образованы также с помощью расширителя; каждый корень нужно разбирать отдельно.

Иллюстрирует Кёйпер данное положение сопоставлением $\sqrt{*d^h eugh-}$ ‘доить’ (др.-инд. *dóhmi*) и вышеупомянутого $\sqrt{*d^h e\text{u}-es-}$:

Pr. 1. s.	$*d^h éug^h-mi$	$*d^h \text{u}-és-mi$
Pr. 1. pl.	$*d^h ug^h-més$	$*d^h u-s-més$
Prt. 1. s.	$*(e)d^h éug^h-\text{ṃ}$	$*(e)d^h éu-s-\text{ṃ}$
Cj. 1. s.	$*d^h éug^h-\bar{o}$	$*d^h éu-s-\bar{o}$

Впрочем, $\sqrt{*d^h e\text{u}-es-}$ является скорее исключением, так как в истории отдельных языков происходило обобщение одной из основ.

После выделения *s*-презенсов, где *-s-* не показатель отдельного класса, но расширитель, Кёйпер переходит к выделению других расширителей основ. Так, в др.-инд. *bhiṣákti* ‘лечит’ и в глагольной форме VII класса *abhiṣṇak* можно видеть не деноминатив (от *bhiṣák-* ‘врач’) и вторичную форму аналогического характера соответственно, а ту же модель $\sqrt{*d^h \text{u}-es-}$: $\sqrt{*d^h u-n-es-}$, то есть вычленяются *eġ*-расширитель и назальный формант. На сопоставлении форм др.-греч. *τέκμαρ* ‘цель’, ав. *ākasat* ‘увидел’ ($\sqrt{*k^u e\hat{k}-}$ «видеть» < $*ok^u-$), др.-инд. *násati* ‘достигать’, др.-греч. *νέομαι* ‘отправляться’ ($\sqrt{*ene\hat{k}-}$ ‘достигать’) и ст.-слав. **нєсѣ**, др.-греч. *νέχθην* ($\sqrt{*ene\hat{k}-}$ ‘нести’) он реконструирует *eċ*-расширитель. Путём подобных сопоставлений можно выделить такие форманты как *-eg-/eg\text{u}-*, *-eġh-*, *-egh-/eg\text{u}h-*, *-et-*, *-ed-*, *-edh-*, *-ep-*, *-ebh-*, *-em-*, *-er-*, *-el-*. Также находит Кёйпер и многочисленные примеры, подтверждающие существование *en*-расширителя.

Корнем со значением ‘говорить’ Кёйпер иллюстрирует возможность распространения одного и того же корня многочисленными расширителями:

$*\text{u}-ek^u-$: др.-инд. *vívakti* ‘говорит’;

$*\text{u}-ed-$: др.-инд. *vadati* ‘говорит’, лит. *vadinù* ‘кричу’, др.-греч. *αὐδή* ‘речь’;

$*\text{u}-eg-$: др.-инд. *vagnu-* ‘звук, крик’;

$*\text{u}-eg^u h-$: др.-инд. *vāghat*, лат. *voveo* ‘даю обет, посвящаю’;

*eu-*g^h* -: ав. *aogadā* ‘петь’, др.-греч. *εὐχομαι* ‘молюсь’;

**u*-*er* -: др.-греч. *εἶρω* ‘говорю’.

Также Кёйпер приводит примеры древнеиндийских атематических назальных презенсов и соответствующие им глаголы без назального форманта, но с тем же расширителем: др.-инд. *chinádmī* || гот. *skaida* и др.-инд. *indhé* || др.-греч. *αἶθω*. На основании многочисленных сопоставлений такого рода (и на основе мены назального форманта и иных расширителей) он приходит к выводу, что назальный элемент является суффиксальным формантом. Но, при таком подходе, непонятно, почему назальный расширитель присоединялся только к корням, заканчивающимся на гласные/сонанты *-i-*, *-u-*, *-r-* или *-l-*, в то время как другие расширители могли следовать и за взрывным смычным. Также назальный формант не присоединяется к корням, расширенным детерминативом с сонантом.

Итак, по теории Кёйпера в праязыке существовали корневые презенсы (**éi-mi* || **i-més*) и презенсы с формантами (**dui-és-mi* || **dui-s-més*). Формант *-en-* был презентным суффиксом, расширявшим корни как самостоятельно, так и совместно с другим расширителем: Pr. 1. s. **ui-en-mi*, Sj. 1. s. **uei-n-ō* ‘смотрю’ с одной стороны и **ui-n-ed-mi* ‘нахожу’ – с другой; в форме переддентальным детерминантом назальный компонент становится инфиксом. От одного корневого презенса **iōu-mi* могли образовываться односуффиксальные презенсы (например, **iui-eg* или s-презенс **iōu-s-mi*) и двусуффиксальные с первым назальным формантом (типа **iu-n-ég*). Впоследствии основы **iui-ég-* и **iu-n-eg-* утратили связь с исходной **ieu-* и новой основой, на базе которой стала строиться система, становится **iu-g-*, а назальный компонент в форме **iu-n-eg-* начинает восприниматься инфиксом и именно как инфикс получает дальнейшую продуктивность. Анализируя инфиксальные индоиранские корни, Кёйпер приходит к выводу, что 43 из 58 корней (74%) восходят к древним презенсам, расширенным двумя формантами, назальным и смычным взрывным.

Так же Кёйпером интерпретируются и глаголы V и IX назальных классов: суффикс *-nā-* есть контаминация расширителей *-en-* и *-ea-* (в доказательство чего приводит многочисленные примеры с *ea*-расширителем), суффикс *-neu-* есть контаминация расширителей *-en-* и *-eu-*. Второй из расширителей без назального Кёйпер видит в формах др.-греч. *όρουσε* и *όρνυμι* 'приводить в движение'. Впоследствии *neā-* и *neu-*презенсы стали восприниматься как суффиксальные. Такую же контаминацию двух формантов он видит и в древнеиндийском суффиксе *-anu-*, и в греческих формы на *-αινω*.

Также рассматривается Кёйпером и семантика назального форманта в отдельных индоевропейских языках. Для древнеиндийских и греческих назальных презенсов он предполагает терминативную функцию. Переходную и каузативную функцию Кёйпер обнаруживает в древнеиндийских, греческих, латинских и литовских назальных презенсах. Непереходностью характеризуются некоторые германские, балтийские и славянские презенсы. Наконец, перфективный оттенок Кёйпер обнаруживает в некоторых греческих и древнеиндийских глаголах.

Следующая крупная работа, посвящённая индоевропейским глаголам с назальным формантом, принадлежит Клаусу Штрунку⁸. Основана она на концепции структуры индоевропейского корня Эмиля Бенвениста⁹. Резонно сначала остановиться на некоторых положениях концепции Бенвениста, релевантных в теории Штрунка.

Опираясь на работы Ф. де Соссюра, Е. Куриловича, Х. Педерсена, Бенвенист постулирует консонантный характер ларингала *ə*. Источником долгих гласных он считает не сочетания разного вида ларингалов с полной ступенью *e* – *ə₁+e*, *ə₂+e*, *ə₃+e*, а сочетание *V + ə*. Индоевропейские корни Бенвенист трактует односложными. Так называемые двусложные корни (типа $\sqrt{*terə-}$,

⁸ Strunk K. Nasalpräsentien und Aoristen. – Heidelberg, 1967.

⁹ Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. – М., 1955.

√*g^heiə-) также признаются им односложными (*ter-ə- || *tr-eə-, *g^hei-ə- || *g^hi-eə-). Второй слог корня суффиксального происхождения. Выделяется два типа основ: основа I (*g^hei-ə-) характеризуется полной ударной ступенью корня и нулевой ступенью постфиксального форманта; основа II (*g^hi-eə-), напротив, нулевой ступенью корня и полной ударной форманта. При этом нужно различать «суффиксы», которым (при нулевой огласовке корня) может быть свойственна огласовка, а, следовательно, есть чередование форм -ek-||-k-, -et-||-t-, и «расширители», которые не имеют огласовки ни при каких условиях (-k-, -t-). Основа I не допускает одиночного расширителя, каждый корень может быть распространён только одним суффиксом и одним расширителем, сочетание с двумя суффиксами и суффикса с двумя расширителями недопустимо. Таким образом Бенвенист унифицирует разнообразные индоевропейские корни: исходный тип имеет структуру √CeC, то есть является односложным, двуконсонантным с огласовкой -e-. С этих позиций Бенвенист обращается к проблеме назального форманта. Инфикс он трактует как расширитель (с отсутствием огласовки), вставляемый исключительно в основу II. Следовательно, инфиксальные презенсы образовывались по схеме: корень с нулевой огласовкой + n + суффикс с полной огласовкой + окончания (*ur-n-éu-ti > др.-инд. vr̥ṇóti). Бенвенист считал, что назальный формант вставлялся в уже расширенную суффиксом основу, а не прибавлялся напрямую к корню. Не касаясь отдельно самого процесса инфиксации и его причин и источников, Бенвенист, тем не менее, считает её продуктивным праиндоевропейским морфологическим средством расширения основ.

В работе «Nasalpräsentien und Aoristen» К. Штрунк, опираясь в целом на представления Бенвениста о структуре корня, отвергает невозможность расширения назальным формантом основы I. Для обозначения основы, состоящей из корня и суффикса, Штрунк вводит понятие «корневого комплекса» (das Wurzelkomplex). Штрунк выделяет два вида аориста, первый из ко-

торых имеет полную огласовку непосредственно корня и соответствует основе I, а второй – полную ступень суффикса (и соотносится, соответственно, с основой II). Штрунк считает, что назальные презенсы образовывались от корневых аористов вставкой назального форманта в основу аориста. Тип аориста определял тип презенса. Например, аорист от основы **ster-ə-* ‘протирать’ принадлежит к типу I (**e-sterə-s* > др.-инд. *astarīs*, др.-греч. *εστόρεσα*). Назальные презенсы с полной ступенью корня вроде лат. *sternit*, др.-ирл. *sernaid* (< **ster-n-ə-ti*) рассматриваются исконными, а не вторичным развитием по аналогии с древними презентными формами с нулевой огласовкой корня. Напротив, именно форма др.-инд. *str̥ṇāti* перестроена по аналогии с презенсами типа II; при этом основа слабых форм *str̥ṇī-* может восходить к исконной форме (< **sternə-*). В Ригведе от основы *str̥ṇ(i)-* присутствует 15 партиципальных форм, а от основы *str̥ṇā-* – всего две формы презенса.

Суммировать построения Штрунка можно в виде следующей схемы:

Основа I аориста CeCC + n > назальный презенс CeC-n-C.

Основа II аориста CSeC + n > назальный презенс CC-n-eC.

Иллюстрирует данную модель Штрунк следующими примерами, где он выделяет и противопоставляет пары назальный презенс : корневой аорист.

Так, от основы **ḡneə₃-* ‘знать’ реконструируются:

– презенс **ḡṇ-n-eə₃-t* (ав. *-zanāt*, др.-инд. *janāt*, лит. *žino*);

– аорист **e-ḡneə₃-t* (др.-инд. *ajñāt, jñeyās*, др.-греч. *ἐγνων*, ст.-слав. **зна**).

От основы **pleə₁-* ‘наполнять’ реконструируются:

– презенс **pl̥-n-eə₁-ti* (др.-инд. *pr̥ṇāti*);

– аорист **e-pleə₁-t* (др.-инд. *aprāt*, лат. *-plet*, др.-греч. *ἐπλητο*).

От основы **g^uleə₁-* ‘бросать’ реконструируются:

– презенс **g^ul̥-n-eə₁-mi* (др.-греч. **βαλνῆμι* > *βάλλω*, др.-ирл. *-ball-*);

– аорист **e-g^uleə₁-m* (др.-греч. *ἐβλην*).

От основы **g^ureə₃-* ‘глотать’ реконструируются:

- презенс $*g^u r-ne\bar{a}_3-ti$ (др.-инд. *grṇāti*);
- аорист $*e-g^u re\bar{a}_3-t$ (др.-греч. *ἐβρω*); и т. д.

Сходным образом Штрук интерпретирует и не-презенсы, и инфиксальные презенсы других типов. Штрук постулирует древнюю раздвоенность корней (из приведённых выше примеров следует, что реконструируется два корня со значением ‘глотать’: $*g^u er\bar{a}_3-$ || $*g^u re\bar{a}_3-$; два корня со значением ‘наполнять’: $*pel\bar{a}_1-$ || $*ple\bar{a}_1-$; и т. д.), которая в иных реконструкциях объясняется вторичным развитием в отдельных языках.

Определённую итоговую черту под исследованиями XIX–XX веков провела работа коллектива авторов под руководством Хельмута Рикса¹⁰ «Lexicon der indogermanischen Verben» (LIV). Из методологических установок, принятых в LIV, следует, что теории Кёйпера и Штрука, а также концепция индоевропейского корня Бенвениста, неприемлемы. Выделение разного рода детерминантов и расширителей основ как суффиксов некорректно: за недостатком материала верифицировать такое их определение невозможно, также неясна их морфологическая функция, семантика и пр. Выделение этих формантов наряду с праиндоевропейскими суффиксами приводит к смешению уровней реконструкции. Поэтому суффиксами считаются только распространённые форманты с более-менее определённой семантикой, все редкие и неопределённые форманты не выделяются и считаются частью корневой основы. Вполне возможно, что выделенные Кёйпером детерминанты действительно существовали в предыстории праиндоевропейского, и он прав, видя в $\sqrt{*tres-}$ ‘дрожать’ расширение $\sqrt{*ter-}$, и считая $\sqrt{*trem-}$ (др.-греч. *τρέμω*, лат. *tremō*) и $\sqrt{*trep-}$ (лат. *trepidus*, ст.-слав. **трепетъ**) вариациями того же $\sqrt{*ter-}$ с другими расширителями – всё это остаётся только допущением, которое никак не может быть подтверждено, особенно учитывая то, что единственная сохранившаяся форма от $\sqrt{*ter-}$, представленная в др.-инд. *taralá-* ‘трепещу-

¹⁰ Lexicon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen / unter Leitung von Helmut Rix. – Wiesbaden, 2001.

щий', может быть интерпретирована иначе. Также неоправданным выглядит установка Кёйпера на вторичность аориста: если сигматический аорист, как и футурум, бесспорно, вторичное образование, то корневой аорист есть основания проецировать на глубокий праиндоевропейский уровень, где именно он противопоставлен презенсу, претериту и перфекту как немаркированный, то есть представляющий собой чистую основу¹¹.

В теории Штрунка, помимо противоречия с собственно концепцией Бенвениста, на которой она основана (допущение вставки расширителя в основу I), слабым местом является и допущение вставки расширителя в основу II: усиление консонантного кластера нулевой ступени корня ещё и назальным элементом (возвращение к классической «теории метанализа»). Вставка назального форманта в основу I наталкивается ещё и на возражение такого порядка: назальный формант при полной ступени корня фиксируется далеко не во всех языках, относительно редок и выглядит вторичным новообразованием, распространением назального форманта на новые тематические глаголы с полной ступенью корня (как, например, лат. *spernō* 'отделяю, отвергаю', *sternō* 'расстилаю', лит. *gẽsta* 'гаснет', *aũna* 'одевается'). И, наконец, нет серьёзных оснований предполагать две разные исходные основы.

Итак, современная интерпретация назальных презенсов восходит к теории Ф. де Соссюра; наиболее полно она представлена на данный момент в материалах «Lexicon der indogermanischen Verben». В LIV реконструируются три типа презенсов с назальным аффиксом:

(1k) презенс с инфиксом *-né/-n-*, который схематически представлен как *R(C1C2)-né/n-R(C3)-* или *R(C1)-né/n-R(C2)*. Примером типа служит презенс **li-né-k^h-/*li-n-k^h-* от $\sqrt{*leik^h-}$ 'оставлять'. Всего в LIV приводится 248 корней этого типа (168 надежных случаев, 80 ненадежных).

¹¹ Erhart A. Das indoeuropäische Verbalsystem. – Brno, 1989.

(1l) презенс с суффиксом *-néu/-nu-*, который схематически представлен как *R(z)-néu/nu-*. Примером типа служит презенс **h₃er-néu-/*h₃er-nu-* от $\sqrt{*h_3er}$ - ‘приходить в движение’. Всего в LIV приводится 52 корня этого типа (35 надежных случаев, 17 ненадежных). Авторы LIV (как и де Соссюр) полагают, что этот тип, как и тип 1k, исходно инфиксальный и возник в корнях, оканчивающихся на *-u-*. Впоследствии инфикс и корневой *-u-* были переосмыслены как суффикс *-neu-*.

(1m) презенс с суффиксом *-néH/-nH-*, который схематически представлен как *R(z)-néH/nH-*. Примером типа служит презенс **t \hat{k} i-néH-/t \hat{k} i-nH-* от $\sqrt{*t\hat{k}ei}$ - ‘проживать’ (1 надежный случай, 1 ненадежный). Этот тип возник в результате переразложения инфиксальных основ от корней на ларингал. К данному типу авторы LIV относят презенсы всего от двух корней: **t $\hat{k}ei$ -* ‘проживать’ и **d^hg^{uh}ei-* ‘(от жары) медленно умирать, гибнуть’.

Авторы LIV полагают, что эти три типа исходно инфиксальные, но инфиксы с финальным гласным (тип 1l) и ларингальным (тип 1m) переосмыслены как суффиксальные. Все корни, расширенные инфиксом, в нулевой ступени огласовки и безударны. Общее количество корней с назальными формантами (302) свидетельствует о продуктивности инфикации в праиндоевропейском.

На материале LIV Паоло Милиция в своей небольшой работе 2004 года «Proto-Indo-European Nasal Infixation Rule»¹² формулирует новую теорию образования назальных глаголов. Прежде всего, он обращает внимание на то, что только в двух корнях типа 1l реконструируется финаль *-u-*: **k \hat{l} -ne-u* и **gh₂-ne-u*. В первом корне финаль реконструируется на основании санскритской формы *śṛnóti* ‘слушает’, во втором – на основании древнегреческой *γάννυμαι* ‘радуюсь’. В первом случае Милиция апеллирует прежде всего к фактам других языков: ав. *surunaoiti* ‘слушает’ не может восходить к основе **k \hat{l} -ne-u*, так как и.-е. **k \hat{l} -* даёт праир. **sar-* (против также свидетельствуют

¹² Milizia P. Proto-Indo-European Nasal Infixation Rule // Journal of Indo-European Studies 32, 2004. – P. 337–359.

др.-ирл. *ro-cluinethar*, тох. В *kälne*), др.-инд. *śṛṇóti* (а не ***śrunóti*) он объясняет выпадением гласного *-u-* подобно тому, как *-i-* выпал в форме др.-инд. *tr̥tíya-* ‘третий’. Во втором случае он обращает внимание на факты непосредственно древнегреческого: *γάννυμαι* ‘радуюсь’ производно от *γάνος* ‘радость’ (среднего рода типа склонения на согласный **-n-es-/-os-*), в котором отражён корень $\sqrt{*}geh_2-$, а не $\sqrt{*}geh_2u-$. Также представлен однокоренной глагол с суффиксом **-dʰ-* – *γηθέω* ‘радовать’ ($\sqrt{*}geh_2dʰ-$). Из этих фактов Милиция делает вывод, что форма *γάννυμαι* отражает не инфиксальную основу **kʷl-ne-u*, но основу с суффиксом **kʷl-neu*.

Далее он обращается к замеченной ещё Бругманом¹³ дополнительной дистрибуции между суффиксацией и инфиксацией: назальные суффиксы практически не присоединяются к основам на шумный, но расширяют преимущественно основы на сонорный или гласный, инфиксы же, напротив, не вставляются в основы на плавный или носовой. На материале LIV Милиция производит подсчёты: лишь 15,65% индоевропейских глагольных корней заканчиваются на сонант (155 из 1130), в то время как корни на сонант, присоединяющие в презенсе суффикс **-neu-*, составляют 57,69% от общего числа корней с этим формантом (30 из 52). Возможность присоединения форманта к основам на шумный Милиция объясняет тем, что в дальнейшем суффикс стал продуктивным, в то время как инфиксация перестала быть активным процессом. Сам механизм инфиксации он описывает как метатезу: инъюнктивная форма 3 лица множественного числа **likʷ-n-ent*, по его мнению, нарушала «закон силлабического контакта» (контакт $kʷ.n$), что вело к метатезе.

Слабым местом теории Милиция является отсутствие объяснения, что значил формант *-u-* и почему он присоединялся к суффиксу *-ne-*.

¹³ Brugmann K. Grundriß der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. – Strassburg, 1886–1900.

3. История исследования славянских назальных презенсов

В 1871 году Август Лескин¹⁴ распределил славянские глаголы по типу презентных основ и выделил второй (назальный) класс. Также он указал на формальное различие двух подтипов, с распространением форманта в формах от основы инфинитива/супина и без него. Кроме того, обратил внимание на способ образования форм пассивных причастий прошедшего времени (-**новѣнъ**) и отглагольных существительных (-**новѣник**) от некоторых из глаголов, имеющих суффикс -**нж**- в основе прошедшего времени.

Также формально, но предполагая векторы происхождения, подходит к вопросу славянских назальных презенсов Антуан Мейе¹⁵ в 1924 году. Он выделяет инфиксальный тип назальных глаголов (соответствующих VII классу древнеиндийских) и заостряет внимание на их акутовой корневой интонации. Те из глаголов, что в форме пассивного причастия оканчиваются на -**новѣнъ**, Мейе возводит к *nei*-презенсам. Далее он обращает внимание на то, что все глаголы с основой на гласный имеют назальный формант во всех формах. Также Мейе отмечает вторичность некоторых назальных глаголов. Так, **пл(ю/и)нж** образован от **плюж** (**пльвати**) (ср. лит. *spjáuja* и вариант презенса *spjáuina*). Развитием последнего наблюдения о соотношении глаголов назального и йотового классов развёрнуто в работах Вайана и Тедеско¹⁶. Отмечая параллелизм образований «инхоативных» глаголов с йотовым и назальным формантом, их мену в разных редакциях одних памятников, авторы, тем не менее, приходят к разным выводам: Вайан отмечает, что мена происходит на синхронном уровне, и нет оснований, чтобы придавать тому или иному способу образования «инхоативов» статус древнего; Тедеско счи-

¹⁴ Leskien A. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache: Grammatik Texte Glossar. – Weimar, 1905.

¹⁵ Мейе А. Общеславянский язык. – М., 1951. – С. 185.

¹⁶ Tedesco P. Slavic *ne*-Presents from Older *je*-Presents // Language, 24, 1948. – P. 346–387.

Vaillant A. Hypothèse sur l'inflix nasal // BSL 43.1, 1947. – P. 75–81.

тает, что назальные глаголы в этой функции вторичны и производны от соответствующих йотовых глаголов.

Фундаментальной работой, посвящённой славянскому глаголу в целом, была и остаётся книга Кристиана Станга¹⁷. Помимо формального разделения суффиксальных назальных глаголов на две группы, по наличию (группа 1 типа **ринж**) / отсутствию (типа **двигнж**) назального форманта в формах прошедших времён), Станг особо подчеркнул семантику вхождения в состояние (*Eintretens in der Zustand*) некоторых глаголов второй группы. Как и предшественники, первую группу возводит к *nei*-презенса́м, остальные, по его мнению, восходят к *pā*-презенса́м, свидетельством чего он считает древнерусский глагол **крѣню** ‘покупаю’ (инфинитив ***крѣти**), оформленный по III классу, соответствующий инфиксальному атематическому др.-инд. *krīṇā́mi* ‘покупаю’ с основой на ларингал. Также он сопоставил славянские глаголы второй группы с семантически сходными суффиксальными готскими и инфиксальными литовскими и предположил их общее происхождение, осознавая при этом, что они несводимы к одной модели.

¹⁷ Stang Chr. Das slavische und baltische Verbum. – Oslo, 1942.

II. Обзор древнейших индоевропейских глагольных систем

1. Система ведийского глагола

В акцентуированных ведийских текстах характер ударения так называемый музыкальный (хотя один из тонов, *udāttaḥ* (высокий тон) является основным; именно он обозначен в дальнейшем акутом). В отличие от древнегреческого, по месту ударения оно является так называемым свободным. Касается это атематических глаголов и имён. В тематических именах и у большинства тематических глаголов же ударение фиксированное: баритонное либо окситонное. Подвижное ударение коррелирует с количественным аблаутом (чередование полной и нулевой ступеней) и может являться указанием на предшествующее музыкальному ударению динамическое, которое приводит к редукции и синкопе безударных гласных.

Атематические глаголы широко представлены в ведийском и хеттском, в остальных индоевропейских языках отчётлива тенденция к их утрате (тематизация или замена тематическими).

Исходя из того, что аблаутирующие глаголы с нулевой ступенью в слабых формах предшествуют тем, что содержат две и более полных ступени в словоформе, а атематические глаголы предшествуют тематическим, можно расположить классы ведийских **презенсов** в следующем порядке.

Наиболее архаичным выглядит II класс ведийского глагола, корневые глаголы, имеющие в презенсе атематическое спряжение и баритонное ударение в единственном числе, окситонное – во множественном. Довольно многочисленный в ведийском (порядка 130 корней в санскрите¹⁸) и хеттском, в прочих индоевропейских языках представлен отдельными реликтами. Для иллюстрации типа взят глагол *ásti* ‘(он) есть’, сохранивший свой атематический тип в большинстве индоевропейских языков

ásmi smáḥ

ási sthá

ásti sánti

¹⁸ Описание ведийского языка и количество глаголов каждого класса на основе Burrow T. The Sanskrit language. – London, 1959.

Двойственное число формально не отличается и слабо засвидетельствовано в других индоевропейских языках (к тому же возведение самого двойственного числа на ранний праиндоевропейский уровень с силовым ударением сомнительно), поэтому формы двойственного числа не приводятся. Формы имперфекта сохраняют огласовки презенса, средний залог презенса и имперфекта имеет нулевую огласовку корня во всех формах. Наличие гласного полного образования в аугменте не позволяет относить имперфект к уровню праиндоевропейского языка с силовым ударением.

То же противопоставление огласовки единственного и множественного числа представлено в **III** классе ведийских глаголов. Основное отличие от **II** класса – редупликация корня. В ведийском таких корней около 50, в классическом санскрите это число снижается до 16. Этот тип также хорошо представлен в древнегреческом, в котором, в отличие от ведийского, в редуплицирующем слоге представлена только нулевая огласовка. В ведийском же не только встречается полная огласовка редуплицирующего слога, но и перенос ударения на него независимо от огласовки. Следовательно, только часть глаголов этого класса может возводиться на праиндоевропейский уровень с силовым ударением, а именно: глаголы с нулевой огласовкой редуплицирующего слога, полной огласовкой корня в единственном числе и передвижением ударения вместе с полной ступенью на флексию во множественном.

Атематическими являются все три инфиксальных назальных класса (**V**, **VII** и **IX**) и суффиксальный **VIII** класс.

Инфиксальные назальные классы можно свести к одной модели:

$$\sqrt{(C_1C_2)ne/n}\sqrt{(C_3)},$$

- $C_3 = *-u$ (**V** класс -no-/-nu- < *-neu-/-nu- типа *śṛnóti* ‘слушает’, *śṛnuté* ‘слышится’, *śṛnvánti* ‘слушают’);
- $C_3 = *-T$ (**VII** класс -naT-/-nT- типа *yuṇákti* ‘связывает’, *yuṇkté* ‘связывает для себя’, *yuñjánti* ‘связывают’);
- $C_3 = *-H$ (**IX** класс -nā-/-nī- < *-neH-/-nH- типа *strṇāti* ‘рассеивает’, *strṇité* ‘покрывается’, *strṇánti* ‘покрывают’).

В V классе засвидетельствовано около 50 корней, однако инфиксальный характер форманта в современных работах подвергается сомнению (в LIV инфиксальный характер реконструируется только для двух корней, П. Милиция подвергает сомнению наличие инфикса и в них¹⁹). Суффиксальный атематический вариант распространён в древнегреческом.

В VII классе засвидетельствовано около 30 корней. За пределами индоиранских глаголы тематизированы, обобщена нулевая ступень корня и форманта, как, впрочем, и в последующем развитии самих индоарийских.

В IX классе засвидетельствовано около 50 корней. Отдельные суффиксальные атематические глаголы представлены в древнегреческом.

Корневая огласовка всех трёх классов нулевая во всех формах, образованных от основы презенса.

Глаголы VIII класса также являются атематическими, отличительной их чертой является аблаутирующий формант -o-/-u-. В зависимости от интерпретации корневой огласовки они либо возводятся на праязыковой уровень с силовым ударением (если их корневой гласный представляет вокализованный назальный слоговой сонант, а следующий за ним носовой относится к суффиксу: *tanóti* ‘вытягивает’ < **tṇ-néu-*), либо же являются более поздними (если их корневая огласовка имеет полную ступень). Не все глаголы этого класса имеют основу на носовой, например, *karóti* ‘делает’. Их появление в этом классе – отдельная проблема.

Остальные классы ведийских презенсов – тематические.

В VI классе глаголы характеризуются ударением на тематическом гласном и нулевой огласовкой корня. Засвидетельствовано 150 корней, спрягающихся по этому типу. В других индоевропейских языках этот тип редок.

Помимо простых глаголов в этом классе представлены также глаголы с назальным инфиксом (*vindáti* ‘находить’), которые, возможно, перешли в этот класс из VII класса, и глаголы с суффиксом *-sk- (*iccháti* ‘желает’).

¹⁹ Milizia P. Proto-Indo-European Nasal Infixation Rule // Journal of Indo-European Studies 32, 2004. – P. 337–359.

Глаголам **IV** класса (около 130 корней) также свойственна нулевая огласовка корня, но ударение при этом именно на корне, а не на суффиксе с полной ступенью (на суффиксе оно в формах среднего залога), и, хотя это изменение вторично и произошло после исчезновения силового ударения, оно произошло ещё в праиндоевропейском, потому что данные древнегреческого в части, касающейся ударения в глаголах такого типа, соответствуют ведийским. В классе, впрочем, представлено несколько корней с основой на гласный, которые в эпоху силового ударения полностью утратили корневой гласный, поэтому им свойственно ударение на тематическом гласном (*śyáti* от $\sqrt{śā}$ ‘точить’).

Около половины ведийских глаголов образуют презенс по **I** классу, в котором и корень, и тематический гласный в полной ступени, ударение при этом баритонное. В классе встречаются и глаголы с ударной нулевой огласовкой корня и формантами: с назальным инфиксом (*níndati* ‘бранит’) и суффиксом *-va-* (*jívatī* ‘живёт’), что может указывать на передвижение акцента. Также встречаются глаголы с суффиксом **-sk-* (*gácchati* ‘идёт’) и глаголы с редупликацией (*tíṣṭhati* ‘стоит’ от $\sqrt{sthā}$). Глаголы с полной огласовкой имеют большое количество соответствий в других языках семьи и могут проецироваться на поздний праиндоевропейский уровень: до распада общности, но после утраты силового ударения.

Особняком стоит **X** класс ведийского глагола. Во-первых, маркером класса является суффикс *-áya-*, в котором представлено два гласных полного образования. Во-вторых, основными представителями класса являются отыменные и каузативные образования с нехарактерной для презентно-аористой глагольной системы корневой огласовкой **-o-* (*nāśáyati* ‘разрушает’), которая часто выступает в продлённой ступени в открытом слоге в соответствии с законом Бругмана. Помимо них в классе представлены и глаголы с нулевой огласовкой, не производные от имён и не имеющие каузативной семантики (*citáyati* ‘наблюдает’).

Классов **аориста** в ведийском несколько меньше, чем классов презенса: корневой, тематический, редуплицированный и четыре типа сигматического аориста.

Корневому аористу свойственна полная огласовка во всех формах актива, кроме третьего множественного, и нулевая огласовка в меди. Ударение всегда закреплено за аугментом. Флексии актива – атематические вторичные, свойственные и имперфекту. Во многих случаях ведийские аористы имеют соответствия в древнегреческом, но бывают и примеры, когда форма ведийского аориста соответствует форме греческого имперфекта и форма ведийского имперфекта – форме греческого аориста (следовательно, совпадение основы претерита и презенса – необходимое, но недостаточное условие для признания формы претерита имперфектом, и наоборот).

Тематический аорист бывает двух типов: с полной огласовкой корня и с нулевой (в этом случае совпадает с имперфектами VI класса, отличаясь от них только местом ударения). Часть аористов с полной огласовкой, вероятно, являются тематизированным видом корневых.

Редуплицированный аорист образуется от корней, от которых есть каузативы с суффиксом *-áya-* (X класс презенса). Не имеет прямых соответствий за пределами индоиранских. Встречается как полная огласовка корня, так и нулевая. В редуплицирующем слоге бывает как нулевая, так и продлённая нулевая, так и полная ступень огласовки.

Простой сигматический аорист – самый распространённый тип ведийского аориста. В отличие от трёх предыдущих типов, за счёт форманта является ярко выраженным аористом, не напоминая ни презенс, ни имперфект. В активе имеет продлённую корневую огласовку, в меди – полную (кроме корней структуры \sqrt{CRC} , где огласовка нулевая). Имеет соответствия в древнегреческом, славянских, итальянских и кельтских, но не в хеттском, следовательно, может рассматриваться как общеиндоевропейская инновация после отделения хеттского, то есть не относится к периоду силового ударения. Три расширенные разновидности сигматического форманта имеют в лучшем слу-

чае соответствия только в иранских и не могут проецироваться на уровень глубже индоиранского (к тому же количество корней, например, образующих аорист с формантом *-sa-* ограничивается семью, причём у всех этих корней есть простые аористы; к слову, этот аорист отличается нулевой огласовкой корня и связан с презенсами VI класса).

Ведийские формы без аугмента традиционно называют инъюнктивом, хотя именно в ведийском (в отличие от постклассического санскрита, где инъюнктивные формы используются только в отрицаниях) формы без аугмента могут быть функционально и аористами, и имперфектами, и плюсквамперфектами. В любом случае формы с аугментом вторичны, если можно допустить их включение в глагольную словоформу на позднем праязыковом уровне, то на этапе силового ударения аугменты могли функционировать как отдельные частицы (если они тогда были).

Ведийский **перфект** бывает двух типов: простой и редуцированный. Полная парадигма простого перфекта есть только от $\sqrt{\text{ved}}$ (ниже она приведена полностью), хотя в текстах встречаются отдельные глагольные и причастные формы без редупликации. Характерными чертами перфекта являются следующие: а) корневая огласовка **-o-*; б) свойственные только перфекту окончания (впрочем, в меди перфекта окончания скорее те же, что и в презенсе).

véda vidmá

véttha vidá

véda vidúḥ

Корневая огласовка устанавливается на основе форм вроде *caḁāra* (с продлением по закону Бругмана), по этой же форме с рефлексом индоиранской палатализации устанавливается огласовка **-e-* редуцирующего слога. Кроме этого (основного) типа широко представлены варианты с дифтонгом в корне: *pipéṣa*, *bubhója*, редуцирующий слог которых несёт соответствующую неслоговую часть дифтонга.

Обращает на себя внимание формальное сходство простого перфекта со II классом презенсов и редулицированного перфекта с III классом презенсов: во всех четырёх типах полная корневая огласовка единственного числа противопоставлена нулевой двойственного и множественного, но полная огласовка флексий перфекта не позволяет напрямую проецировать эту категорию на уровень протоязыка с динамическим ударением (если, конечно, не допускать, что во флексии есть сокращение долгой огласовки либо есть стяжение двух слогов с нулевой огласовкой; и то, и другое допущение не может быть верифицировано). Редуликация (особенно с полной огласовкой редулицирующего слога) также может относиться только к следующему этапу развития протоязыка.

Примечательно, что все назальные глаголы (как в специализированных назальных классах, так и отдельные подтипы в других классах) имеют нулевую корневую огласовку, в эпоху силового ударения оно падало на флексию либо формант. Следовательно, наличие нулевой огласовки в назальном глаголе других индоевропейских языков – достаточное условие для проецирования формы не только на праиндоевропейский уровень, но и на более глубокий уровень реконструкции, с силовым ударением.

По этому апофоническому критерию к тому же уровню языка возможно отнесение йотового (IV) класса презенса и тематического аориста с нулевой огласовкой.

Наличие нулевой корневой огласовки у таких разных категорий делает сомнительными распространённые предположения о связи нулевой огласовки с какой бы то ни было семантикой. Ещё более сомнительны эти предположения с учётом чередований в парадигме презенса II класса, простого перфекта и редулицированных презенсов и перфектов. Нулевая огласовка – следствие механического переноса ударения на флексию или формант, произошедшая в период действия динамического ударения и ничего не говорящая о семантике корней с нулевой огласовкой.

2. Система древнегреческого глагола

Видовременная система древнегреческого глагола почти столь же разветвлённая, как ведийская. Сходство систем ведийского (и, шире, индоарийского) и древнегреческого глагола привело к тому, что в XIX веке такая система стала проецироваться на праиндоевропейский уровень, а более простые системы остальных индоевропейских языков рассматривались как упрощение данной.

В древнегреческом глаголе существует то же противопоставление трёх основ, что и в ведийском (презенса, аориста, перфекта), но отражение системы предшествующего музыкальному динамического ударения сохранилось значительно хуже.

Класс **атематических** глаголов существенно меньше, чем в ведийском (и хеттском) и непродуктивен. Два подтипа – малочисленные **простые** (или **корневые**) и **редуплицированные** атематические презенсы – сохранили аблаутное противопоставление единственного и множественного числа (так как когнат ведийского *ásmi*, *éṣmī*, этого чередования не сохранил, обобщив полную ступень, примером послужит глагол *εἶμι* ‘иду’; примерами редуплицированных выбраны *τίθημι* ‘делаю’ и *δίδωμι* ‘даю’, имеющие редуплицированные же когнаты в балтских и славянских). Формы единственного числа редуплицированных глаголов противопоставлены формам других чисел количественным аблаутом редуплицируемого слога.

εἶμι *ἴμεν*

εἶ *ἴτε*

εἶσι(ν) *ἴᾱσι(ν)*

τίθημι *τίθεμεν* *δίδωμι* *δίδομεν*

τίθης *τίθετε* *δίδως* *δίδοτε*

τίθησι(ν) *τιθέᾱσι(ν)* *δίδωσι(ν)* *διδόᾱσι(ν)*

В спряжении глагола $\epsilon\tilde{\iota}\mu\iota$ обращает на себя внимание передвижение акцента на нулевую ступень корня (относительно ведийских данных) во множественном числе.

У тех простых атематических глаголов, у которых зафиксирован **аорист**, он **сигматический**. Сигматический он и у большинства редулицированных глаголов, за исключением трёх: $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$, $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$ и $\acute{\iota}\eta\mu\iota$ ‘посылаю’ – они образуют простой атематический аорист, в единственном числе осложняемый вставным -к-, происхождение которого не получило удовлетворительного объяснения ($\acute{\epsilon}\theta\eta\kappa\alpha$, $\acute{\epsilon}\delta\omega\kappa\alpha$ и $\acute{\eta}\kappa\alpha$ соответственно).

Среди редулицированных глаголов встречаются образования с назальным инфиксом после редулицирующего слога (удовлетворительного объяснения пока не получили): $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\mu\iota$ ‘наполняю(сь)’ и $\pi\acute{\iota}\mu\pi\rho\eta\mu\iota$ ‘сжигаю’. Формы единственного числа противопоставлены формам других чисел количественным аблаутом редулицируемого слога.

$\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\mu\iota$ $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\alpha\mu\epsilon\nu$

$\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\varsigma$ $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\alpha\tau\epsilon$

$\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\sigma\iota(\nu)$ $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\tilde{\alpha}\sigma\iota(\nu)$

Два подтипа атематических **назальных** глаголов (соответствующие ведийским V и IX классам презенса) демонстрируют аблаут в формантах (корневая огласовка унифицирована). Часть глаголов, соответствующих IX (ларингальному) ведийскому классу и имеющих в финали корня h_3 , в силу собственно греческих фонетических причин перекочевали в подтип, соответствующий ведийскому V классу. Качественный аблаут формантов в силу собственно греческих фонетических причин преобразовался в количественный $*ne\upsilon/ni > -\nu\bar{\upsilon}/-\nu\check{\upsilon}-$ (впрочем, часть глаголов с обобщённой полной ступенью форманта перекочевала в тематическое спряжение, например, $\theta\alpha\rho\nu\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ ‘прыгаю’²⁰), $*neh_3/nh_3 > *v\omega/v\check{\upsilon} > -\nu\bar{\upsilon}/-\nu\check{\upsilon}-$ и $*neh_2/nh_2 > -\nu\bar{\alpha}/-\nu\check{\alpha}-$ (впоследствии в ионийско-аттическом аблаут снова стал качественным: $-\nu\eta/-\nu\check{\alpha}-$).

²⁰ Sihler A. New comparative grammar of Greek and Latin. – New York – Oxford, 1995. – P. 526.

В последнем подтипе представлено меньше десяти глаголов, у всех глаголов, кроме *πέρνημι* ‘посылаю’, нулевая корневая огласовка: *δάμνημι* ‘укрощаю’ (основа *d̥m̥neh₂- от *√demh₂), *πίτνημι* ‘развёртываю’ (чаще *πετάννυμι*), *σκίδνημι* ‘рассеиваю’ (чаще *σκετάννυμι*), *κίρνημι* ‘смешиваю’ (чаще *κεράω* и *κεράννυμι*), *κρίμνημι* ‘вешаю’, *πίλναμαι* ‘приближаюсь’, *λίναμαι* ‘оборачиваюсь’, *μάρναμαι* ‘сражаюсь’. Глаголы этого подтипа малоупотребительны, со временем и вовсе выходят из употребления.

δάμνημι *δάμναμεν*
δάμνης *δάμνατε*
δάμνησι(ν) *δάμνᾱσι(ν)*

В подтипе на третий ларингальный глаголов тоже немного: *ῥμνῦμι* ‘клянусь’, *στόρνῦμι* ‘разбрасываю’, *ῥλλῦμι* ‘ломаю’.

ῥμνῦμι *ῥμνῦμεν*
ῥμνῦς *ῥμνῦτε*
ῥμνῦσι(ν) *ῥμνῦᾱσι(ν)*

Только пара глаголов подтипа -*νῦ*/-*νῦ*- (<*neu/ni) имеет нулевую огласовку корня. Так, *ῥρνῦμι* ‘поднимаю’ от *√h₃er- соответствует ведийскому *ṛhóti* ‘двигает’, помимо него нулевая огласовка у глагола *μίγνῦμι* ‘мешаю’, все остальные глаголы подтипа имеют полную корневую огласовку: *δείκνῦμι* ‘указываю’, *ζεύγνῦμι* ‘соединяю’ и т. д. Формант отчётливо суффиксальный, следует непосредственно за корнем.

ῥρνῦμι *ῥρνῦμεν*
ῥρνῦς *ῥρνῦτε*
ῥρνῦσι(ν) *ῥρνῦᾱσι(ν)*

У всех атематических назальных глаголов ударение, по общему правилу, стремится как можно дальше от конца словоформы и, при наличии нулевой

огласовки корня, в большинстве форм падает именно на неё, что является греческой инновацией и не может проецироваться на праиндоевропейский уровень.

Существует также подгруппа вторичных назальных глаголов на *-vv̄mi*. Часть из них образована от основ на **-s-*, конечный согласный основы которых ассимилировался с носовым сонантом форманта: *ἐvv̄mi* ‘одеваю, надеваю’ (**√ues*), *σβένvv̄mi* ‘гашу’ (от *σβεστός*) и *ζώνvv̄mi* ‘опоясываю’ (от *ζωστός*). В какой-то момент дописьменной истории греческого формант стал продуктивен и присоединялся и к основам, в конце которых **-s-* не было: *στρώνvv̄mi* (вариация от закономерного *στόρνvv̄mi* ларингального подкласса), *κεράνvv̄mi* ‘смешиваю’, *πετάνvv̄mi* ‘раскрываю’.

Все атематические назальные глаголы образуют **сигматические** формы **аориста**.

Среди **тематических** глаголов выделяются классы простых, редуплицированных, йотовых, назальных глаголов и глаголов с тематическим суффиксом *-σκ-* (и его вариантами *-ισκ-*, *-εσκ-*).

Простые преимущественно имеют е-огласовку корня и полную же огласовку тематического гласного (аналоги ведийского VI класса редки: *γράφω* ‘пишу’, *γλύφω* ‘вырезаю’; в массе простые тематические глаголы соответствуют ведийскому I классу, получившему распространение по окончании действия динамического ударения: *φέρω* ‘несу’, *λείπω* ‘оставляю’, *φεύγω* ‘бегу’). Простые тематические аористы с нулевой огласовкой корня образуются от этого и следующего подклассов.

Редуплицированные тематические презенсы не образуют сколько-нибудь представительной группы и обычно считаются тематизированными атематическими (*γίγνομαι* ‘знаю’, *μῖμνω* ‘стою’, *ἵσχω* ‘сдерживаю’).

Йотовые глаголы крайне многочисленны: помимо небольшой группы первичных глаголов, имеющих нулевую корневую огласовку (*βαίνω* ‘иду’, *μαίνομαι* ‘брежу’), представлено большое число глаголов с полной огласов-

кой формально несходных подклассов (несходство обусловлено разными рефлексам йотовой мутации конечного согласного корня).

В группе тематических **назальных** глаголов представлены как простые тематизированные (τάμνω ‘режу’), в том числе со скрытым назальным формантом (βάλλω ‘бросаю’ < *g^hal-nō ← *g^hl-ne/o-H-mi), так и тематические глаголы с суффиксом -ανο- (αὐξάνω ‘расту’), и глаголы с назальным инфиксом и суффиксом -ανο- одновременно (λιμπάνω ‘оставляю’ при атематическом ведийском rinákti).

Глаголы с тематическим **суффиксом -σκ-** и нулевой огласовкой корня очень редки (βάσκω ‘хожу’), распространение получили вторичные формы с полной огласовкой корня и с вариантами суффикса с дополнительными гласными перед ним.

Перфекты характеризуются **редупликацией**, огласовка редуплицируемых и редуплицирующих слогов соответствует ведийской (и уточняет её), не соответствуют используемые суффиксы. Единственный **простой** перфект οἶδα ‘знаю’ не имеет презенса и форм от его основы, не противопоставлен им и, следовательно, не является в строгом смысле перфектом.

οἶδα ἴδμεν

οἶσθα ἴστε

οἶδε ἴσασι(ν)

По общему правилу ударение на корне, в том числе в формах множественного (и двойственного) числа, где огласовка корня нулевая.

Многими исследователями отмечается бóльшая (относительно ведийского) семантическая противопоставленность греческих образований, таких как, например, сигматический и тематический аорист, первый из которых в древнегреческом является переходным, а второй – непереходным^{21, 22}, однако с учётом того, что аблаутные отношения в греческом выражены значи-

²¹ Willi A. Origins of the greek verb. – Cambridge, 2018. – P. 435.

²² Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание. – М., 2004. – С. 195.

тельно слабее, чем в ведийском (в частности, нулевая огласовка в большей степени присуща не презенсам, а аористам, соотносящимся с тематическими презенсами с полной корневой огласовкой), проецирование семантической структуры древнегреческого глагола на праязыковой уровень кажется сомнительным.

3. Система хеттского глагола

Противопоставление тематических и атематических глаголов, наглядно представленное в системе ведийского и древнегреческого глаголов, не существует в хеттском, так как и тематические, и атематические глаголы распределены на основе иного противопоставления: по флексии первого лица единственного числа презенса эти группировки глаголов обозначают как глаголы спряжения на *-mi* и глаголы спряжения на *-hi*. К спряжению на *-mi*, формально напоминающему атематическое спряжение ведийского, относятся, например, и тематические глаголы с формантом *-šk-*. Глаголы, не имеющие суффиксов (например, тот же *-šk-* в спряжении на *-mi* и фактитивный суффикс *-ahh-* в спряжении на *-hi*), сохраняют противопоставление полной огласовки корня в единственном числе презенса нулевой огласовке во множественном. Непосредственная реализация аблаутных чередований не отображает индоевропейского аблаута, так как он затемнён как общеанатолийскими фонетическими изменениями, так и собственно хеттскими.

Глаголы спряжения на *-mi* разделяются на три большие группы²³:

- 1) глаголы с аблаутом в презенсе;
- 2) глаголы без аблаута в презенсе;
- 3) глаголы с тематическим формантом.

Представлено семь типов **глаголов с аблаутом** в презенсе:

- а) глаголы с аблаутом *e/ø* (*kuenzi* / *kunanzi* ‘убивать’, 16 глаголов);
- б) глаголы с аблаутом *o/ø* (4 глагола);

²³ Описание системы хеттского глагола на основе работы Kloekhorst A. Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon. – Leiden – Boston, 2008. – P. 145–189.

- в) глаголы с аблаутом *e/a* (*ešzi* / *ašaanzi* ‘быть’, 11 глаголов);
- г) глаголы с «аблаутом» *a/a* (*karšzi* / *karšanzi* ‘быть’, 21 глагол);
- д) глаголы с аблаутом *e/i* (*uekzi* / *uekkanzi* ‘желать’, 2 глагола);
- е) глагол *tamāšš-^{zi}* / *tame/išš-* ‘(по)давить’;
- ж) глагол *paii-^{zi}* / *pai-* ‘идти’.

Все глаголы с аблаутом восходят к одному типу – с аблаутом **e/ø*, затемнённым фонетическими изменениями. Та же структура аблаута представлена в претерите, причём во втором и третьем лице единственного числа вторичные флексии (*-s* и *-t* соответственно) наглядно не содержат гласного, а флексия первого лица *-un* отражает вокализацию слогового сонанта **-m̥*.

Глаголы без аблаута в презенсе разделяются на три типа:

- а) простые глаголы без аблаута (*lip(p)zi* ‘лизать’, 25 глаголов);
- б) глаголы на *-ē-*, *-ēšš-* и *-ni-* (*nakkēzi* ‘быть уважаемым’, 8 глаголов, *hatēššzi* ‘сохнуть’, 65 глаголов, и *arnuzi* ‘заставлять идти, перемещать’, 111 глаголов);
- в) глаголы с чередованием *n/ø* (*ħarni(n)kzi* ‘заставить исчезнуть’, 13 глаголов).

В простых глаголах без аблаута либо обобщена одна из ступеней (есть и с полной – *kane/iš-^{zi}* ‘узнавать’, и с нулевой – *gulš-^{zi}* ‘резать’), либо по фонетическим причинам формы с аблаутом совпали (*ūpp-^{zi}* ‘восходить (о солнце)’ < **h₁eup-/h₁up-*); есть один глагол, *ištamašš-^{zi}* ‘слышать’, в котором аблаута не было, так как он образован от имени *ištaman-* ‘ухо’.

Глаголы на *-ē-* (стативы и фиентивы) и *-ēšš-* (часто фиентивы) изредка имеют нулевую огласовку корня, но в основном производны от имён. Глаголы на *-ni-* (часто каузативы) имеют нулевую огласовку значительно чаще, но формант не отображает аблаутных чередований.

У глаголов с чередованием *n/ø* назальный инфикс (или его часть) выпадает перед консонантным кластером, образуемым консонантным исходом основы и согласным флексии. У пяти (из 13) глаголов инфиксальный формант выглядит как *-ni(n)-*.

Тематических глаголов на -*mi* выделяется шесть типов:

- а) глаголы с формантом *-je/a-* (*karšije/a-^{zi}* ‘отрезать’, 157 глаголов);
- б) глаголы с формантом *-ae/ā-* (тип *ħatrae-^{zi}* ‘писать’, 96 глаголов);
- в) глаголы с формантом *-āje/a-* (тип *tāje/a-^{zi}* ‘красть’, 4 глагола);
- г) глаголы с формантом *-uie/a-* (*ue-^{zi}/uia-* ‘приходить’, 9 глаголов);
- д) *uašše/a-^{zi}* ‘надевать’;
- е) имперфективы на *-ške/a-*.

Тематические глаголы с формантом *-je/a-* разбиваются на три группы: первичные глаголы, фиксирующиеся в древнехеттских текстах (33 глагола), отыменные глаголы (71 глагол) и вторичные глаголы, появляющиеся только в текстах новохеттского периода (53 глагола). Нулевая огласовка корня больше свойственна первичным йотовым глаголам.

Тематические глаголы с формантом *-ae/ā-* имеют корневую огласовку -о- и производны от имён. Все глаголы с формантом *-āje/a-* восходят к йотовым глаголам с предшествующим *-eh₂-* и должны были утратить йот ещё в древнехеттский период. Судя по всему, йот у этих глаголов восстановлен в новохеттский период. Треть глаголов с формантом *-uie/a-* суть йотовые глаголы с нулевой (-и-) огласовкой корня, остальные производны от имён. Глагол *uašše/a-^{zi}* ‘надевать’ также йотовый, йот ассимилирован предшествующим спирантом.

Тематические имперфективы на *-ške/a-* крайне многочисленны и, как правило, имеют нулевую огласовку корня. В кластере смычный + спирант + смычный возникает протетический гласный (**d^hh₁s ké/ó* > *za-aš-ke/a* > *zi-ik-ke/a* ‘помещать’, **h₁ps ké/ó* > *ap-pí-iš-ke/a* ‘хватать’, **lg^hs ké/ó* > *la-ak-ki-iš-ke/a* ‘падать’).

Глаголы спряжения на -*hi* делятся на две группы: с аблаутом в презенсе и без него.

Глаголы с аблаутом делятся на пять типов:

- а) глаголы с аблаутом *ā/φ* (*tarna-ⁱ / tarn-* ‘позволять (идти)’, 24 глагола);
- б) глаголы с аблаутом *ā/a* (*āk-ⁱ / akk-* ‘умирать’, 32 глагола);

- в) глаголы с аблаутом \bar{a}/i (ḥamank-^i / ḥame/ink- ‘связать’, 4 глагола);
- г) глаголы с аблаутом ai/i (тип dāi / tiġanzi ‘класть’, 19 глаголов);
- д) глаголы с аблаутом a/i (тип mēma/i ‘говорить’, 35 глаголов).

Помимо простых глаголов с чередованием полной и нулевой корневой огласовки у части глаголов первого типа присутствует редупликация корня (с чередованием полной и нулевой ступени редуплицируемого слога и нулевой ступенью редуплицирующего), у части – назальный формант на ларингальный с чередованием полной и нулевой ступеней огласовки форманта. В среднехеттский период в этот продуктивный тип переходят как глаголы спряжения на $-mi$, так и глаголы других типов спряжения на $-hi$.

Во втором типе в нулевой ступени появляется вставной $-a-$ в начальном консонантном кластере, а полная ступень получает продление. Чередование в глаголах третьего типа пока не получило удовлетворительного объяснения.

В четвёртом типе представлено как чередование в корневом слоге с дифтонгом (nai-^i / $*ni-$ ‘поворачивать’), так и чередование в аблаутирующем суффиксе при обобщённой нулевой огласовке корня (ḥalzai-^i / ḥalzi- ‘звать’).

Часть глаголов пятого типа имеет редупликацию с чередованием полной и нулевой ступеней в редуплицируемом слоге и с нулевой – в редуплицирующем (например, šišḥa-^i / šišḥi ‘решить’; 5 из 13 глаголов типа), глагол mēma/i ‘говорить’ (если интерпретировать его как редуплицированный) отличается от этого прототипа. Есть и глаголы с аблаутирующим назальным формантом (например, penṇa-^i / penṇi ‘вести’; 3 из 13) и 22 имперфектива с суффиксом $-\text{anna-}/-\text{anni-}$.

Глаголы спряжения на $-hi$ **без аблаута** делятся на два типа: пять глаголов, обобщивших полную ступень огласовки (один из них, yeuakk-^i ‘требовать’ – с редупликацией) и 57 производных фактитивов с суффиксом $-\text{aḥḥ-}^i$ (например, ḥaḥlahḥ-^i ‘желтить (зеленить)’).

В системе хеттского языка первичные глаголы без аблаута немногочисленны и являются новообразованиями, многие первичные глаголы имеют либо аблаут корневого гласного, либо аблаут в суффиксах/формантах.

4. Система протоиндоевропейского глагола

На основании сопоставления глагольных систем древнейших индоевропейских языков (прежде всего, ведийского и хеттского) можно увидеть следы протоиндоевропейской системы глагола, в котором ударным (и, соответственно, полного образования) мог быть только один гласный, остальные же подвергались редукции и синкопе.

Для простых глаголов с аблаутом в парадигме презенса схема выглядит следующим образом:

$R(\acute{e})-*mi$ $R(\phi)-*mé-$

$R(\acute{e})-*si$ $R(\phi)-*té(-)$

$R(\acute{e})-*ti$ $R(\phi)-*énti$

Если исходить из единственности динамического ударения в словоформе, во флексии единственного числа стоит допустить нулевую огласовку, то есть в полной огласовке форманты содержали дифтонги.

Глаголы, имеющие ступень *-o-* в корне (простой перфект греко-индоарийского ареала и спряжение на *-hi* в хеттском), не подчиняются этой закономерности:

$R(o)-*h_2e$ $R(\phi)-*\acute{u}é$

$R(o)-*th_2e$ $R(\phi)-*té(-)$

$R(o)-*e$ $R(\phi)-*énti$

Наличие полной огласовки корня в единственном числе при полной же ступени флексии может объясняться двумя способами:

1) тип глаголов с корневой огласовкой *-o-* возник не в протоиндоевропейскую эпоху, а позже, в праиндоевропейскую (но при этом во множественном числе эти глаголы подчиняются протоиндоевропейской закономерности);

2) либо корневая огласовка, либо огласовка форманта в единственном числе редуцирована, то есть долгий гласный (или сочетание двух гласных) стал гласным полного образования.

Корни глаголов с суффиксальными формантами теряют огласовку по всей парадигме, ударение в единственном числе – на гласном форманта, во множественном – на флексии.

$R(\emptyset)\text{-}S(\acute{e})\text{-}^*mi$ $R(\emptyset)\text{-}S(\emptyset)\text{-}^*mé\text{-}$

$R(\emptyset)\text{-}S(\acute{e})\text{-}^*si$ $R(\emptyset)\text{-}S(\emptyset)\text{-}^*té\text{-}$

$R(\emptyset)\text{-}S(\acute{e})\text{-}^*ti$ $R(\emptyset)\text{-}S(\emptyset)\text{-}^*énti$

Тематические глаголы не подчиняются этому правилу, сохраняя гласный полного образования (тематический) во всех формах и, соответственно, не могут напрямую проецироваться на протоиндоевропейский уровень с динамическим ударением. И всё же в тех индоевропейских языках, где практически все глаголы стали тематическими (в силу механической тематизации), наблюдаются все возможные корневые огласовки. Наличие нулевой корневой огласовки тематизированного глагола с формантом – необходимое, но недостаточное условие для его прямой проекции на протоиндоевропейский уровень. Тем не менее, наличие у глагола нулевой огласовки – достаточное основание, чтобы предположить его возникновение в эпоху протоиндоевропейского динамического ударения.

III. Старославянский назальный класс в системе старославянского глагола и в ареальной перспективе

1. Назальный класс в системе готского глагола

Германское ударение малоинформативно для реконструкции, так как оно (по крайней мере, в глаголах) фиксировано на корневом слоге (чаще всего, первом). Косвенным свидетельством прежней подвижности прагерманского ударения являются чередования по закону Вернера, которые в готском были элиминированы аналогическим парадигматическим выравниванием (следы чередований сохранились преимущественно в словообразовании, хотя отдельные проявления есть и в спряжении претерито-презентных глаголов).

Следствием корневого ударения является хорошая сохранность корневой огласовки глаголов (с поправкой на общегерманские и частные готские фонетические изменения). В отличие от ведийского, классификация готских глаголов строится не на распределении глаголов по отдельным классам презенса и аориста, а на соотношении основ презенса и претерита. В основе классификации германского глагола лежит противопоставление *сильных* (*stark*) и *слабых* (*schwach*) глаголов. Названия введены Якобом Гриммом в 1819 году: сильные глаголы образуют формы (единственного и множественного числа претерита и пассивного причастия прошедшего времени) самостоятельно, без помощи формантов, чередованием корневого гласного, слабые образуют форму претерита при помощи дентального форманта. В подмножество сильных глаголов традиционно включаются образующие в готском отдельный класс редулицированные глаголы (которые, в свою очередь делятся на два подтипа: со свойственным сильным глаголам аблаутом и без него). Отдельную (и в формальном, и в семантическом смысле) замкнутую группу образуют претерито-презентные глаголы.

Список готских глаголов приведён в прил. 1. Список составлен на материале словаря Штрайтберга (Streitberg W. Die gotische Bibel: gotisch-griechisch-deutsches Wörterbuch. – Heidelberg, 1910). Системное отличие

списка состоит в том, что в словаре Штрайтберга каждый глагол с префиксом получает отдельную статью, в списке же отдельную строку получает либо глагол без префикса, либо (если без префикса не встречается) первый (или единственный) глагол с префиксом от данного корня (список упорядочен по первой букве корня, не префикса). Количественные данные о глаголах, приведённые ниже для каждого класса, основаны на этом списке.

Сильные глаголы разделяются на шесть классов, класс редуцированных глаголов традиционно называют седьмым классом сильных глаголов, что не совсем корректно. Распределение по классам основано на противопоставлении четырёх форм. Первая форма, *основа настоящего времени*, служит для образования личных форм настоящего времени действительного залога индикатива, оптатива и императива, медиопассивного залога индикатива и оптатива, и вербоидов: причастия I и инфинитива. В качестве иллюстрации первой основы в работе используется форма инфинитива. Вторая форма, *основа единственного числа претерита*, используется только для образования единственного числа претерита, иллюстрируется формой третьего лица единственного числа претерита. Третья форма, *основа множественного числа претерита*, используется для образования двойственного и множественного чисел претерита индикатива и всех форм претерита оптатива, иллюстрируется формой третьего лица множественного числа претерита индикатива. Четвёртой формой служит *основа причастия II*, которая служит только для образования форм этого причастия.

Первый класс сильных глаголов характеризуется следующей огласовкой четырёх форм: *-ei-*, *-ái-*, *-i-*, *-i-*. Для иллюстрации типа среди глаголов со звонким исходом основы наиболее подходящими являются глаголы с конечным основой звонким заднеязычным как наименее подверженным позиционным чередованиям (по крайней мере, если в абсолютном конце слова и происходило позиционное оглушение, графически это не отображалось), например, *steigan* ‘подниматься’:

- 1) *steigan*; 2) *stáig*; 3) *stigun*; 4) *stigans*.

От праиндоевропейского прототипа отличается огласовка второй формы в силу совпадения и.-е.**ǵ* и **ǵ̥* в герм. *a*. Всего в этом типе представлено 24 глагольных основ (Штрайтберг относит к этому классу ещё и глагол с основой презенса *digan*); у глаголов, основа которых оканчивается на *-h-* и *-hv-* (5 глагольных основ, формы претерита зафиксированы только у *(ga-)teihan* ‘указывать’), третья и четвёртая формы отличаются от прототипических диграфом *-ai-* [ɛ] (здесь и далее для различения дифтонгов и диграфов используется знак акута: на первом элементе дифтонга либо на втором элементе диграфа) по причине так называемого *готского преломления*: перед *-r-*, *-h-* и *-hv-* гласные *ī* и *ȳ* переходили в *-ai-* [ɛ] и *-ai-* [ɔ] соответственно. У глаголов с исходом основы на звонкий незаднеязычный происходит оглушение этого звонкого в абсолютном конце слова (во второй форме): *(bi-)leiben* ‘оставлять’ – *bilaif*.

Второй класс сильных глаголов характеризуется следующей огласовкой четырёх форм: *-iu-*, *-áu-*, *-u-*, *-u-*. Для иллюстрации класса взят глагол *liugan* ‘лгать’:

1) *liugan*; 2) *láug*; 3) *ligun*; 4) *ligans*.

Огласовка первой формы, *-iu-*, следствие собственно готского развития дифтонга **eu* в интерконсонантной позиции. Огласовка второй формы отличается от праиндоевропейского прототипа в силу совпадения и.-е.**ǵ* и **ǵ̥* в герм. *a*. Всего в классе представлено 20 основ (одна из которых, *(ga-)lūkan* ‘закрывать’, имеет отличную от общей для класса огласовку презенса, все прочие основы вписываются в общую схему); у глаголов, основа которых оканчивается на *-h-* (2 глагольных основы, формы претерита зафиксированы только у *tiuhan* ‘увести’), третья и четвёртая формы отличаются от прототипических диграфом *-ai-* [ɔ] по причине готского преломления. У глаголов с исходом основы на звонкий незаднеязычный происходит оглушение этого звонкого в абсолютном конце слова (во второй форме): *(ana-)biudan* ‘передавать’ – *(ana-)báuþ*.

Третий класс сильных глаголов характеризуется следующей огласовкой четырёх форм: *-i-*, *-a-*, *-u-*, *-u-*. Для иллюстрации класса взят глагол *briggan* ‘приносить’:

1) *briggan*; 2) *bragg*; 3) *briggun*; 4) *briggans*.

Огласовка первой формы, *-i-*, следствие собственно готского сужения гласного **e*. Огласовка второй формы отличается от праиндоевропейского прототипа в силу совпадения и.-е.**ō* и **ǣ* в герм. *a*. Всего в классе представлено 33 основы; в глаголах, после корневого гласного которых следует *-r-* (7 основ), происходит готское преломление *-i-* в первой форме (*-ai-* [ɛ]) и *-u-* в третьей и четвёртой формах (*-ai-* [ɔ]). Написания *-gg-*, *-ggw-*, *-gq-* и *-gk-* используются (вероятно, под влиянием греческой традиции) для обозначения кластера заднеязычный носовой + (лабио)велярный (6 основ). За исключением *priskan* ‘молотить’ и *(ga-)wrisqan* ‘принести плоды’, в основе всех глаголов этого класса представлен сонант, следующий за корневым гласным: их огласовка *-u-* третьей и четвёртой форм отражает германскую рефлексацию индоевропейских слоговых плавных

Общая для всех трёх классов сильных глаголов схема аблаута выглядит следующим образом:

1) R(*e*); 2) R(*o*); 3) R(*ø*); 4) R(*ø*).

Выделение четвёртой основы для этих трёх классов избыточно, так как она безысключительно совпадает с третьей.

Общая для всех трёх классов сильных глаголов структура корня может быть формализована следующим образом (так называемые *тяжёлые корни*²⁴):

$$\sqrt{(C)CeRC},$$

где R может выступать в качестве неслоговой части дифтонга (для первого и второго классов).

У двух глаголов третьего класса со спирантом *-s-*, следующим за корневым гласным, структура иная:

$$\sqrt{CResC}.$$

²⁴ Сравнительная грамматика германских языков. В 5 т. Т. 4: Морфология (продолжение). – М., 1966. – С. 303.

Обращает на себя внимание наличие сонанта в корне при ином его положении относительно гласного корня.

Вторую и третью форму обычно возводят к праиндоевропейскому простому перфекту со свойственным ему чередованием полной (-o-) и нулевой огласовки корня.

Четвёртый класс сильных глаголов характеризуется следующей огласовкой четырёх форм: -i-, -a-, -ē-, -u-. Для иллюстрации класса взят глагол *nīman* ‘брать’:

1) *nīman*; 2) *nam*; 3) *nētin*; 4) *nūmans*.

Огласовка первой формы, -i-, следствие собственно готского сужения гласного *e. Огласовка второй формы отличается от праиндоевропейского прототипа в силу совпадения и.-е.*ǫ и *ǣ в герм. a. Всего в классе представлено 9 основ (две из которых, *trudan* ‘наступать’ и *wulan* ‘кипеть’, имеют отличную от общей для класса нулевую огласовку презенса, все прочие основы вписываются в общую схему); в глаголах, после корневого гласного которых следует -r- (2 основы), происходит готское преломление -i- в первой форме (-ai- [ɛ]) и -u- в четвёртой форме (-au- [ɔ]).

Пятый класс сильных глаголов характеризуется следующей огласовкой четырёх форм: -i-, -a-, -ē-, -i-. Для иллюстрации класса взят глагол *giban* ‘давать’:

1) *giban*; 2) *gaf*; 3) *gēbun*; 4) *gibans*.

Огласовка первой и четвёртой форм, -i-, следствие собственно готского сужения гласного *e. Огласовка второй формы отличается от праиндоевропейского прототипа в силу совпадения и.-е.*ǫ и *ǣ в герм. a. Всего в классе представлено 23 основы (один из глаголов, *wisan* ‘быть’, сохранил некоторые атематические формы презенса); в глаголах, после корневого гласного которых следует -h- и -hv- (2 основы), происходит готское преломление -i- в первой и в четвёртой форме (-ai- [ɛ]). Один из них, *fraihnan* ‘спрашивать’, имеет назальный суффикс в основе презенса: 1) *fraihnan*; 2) *frah*; 3) *frehun*; 4) *fraihans*. Основа настоящего времени глагола *bidjan* ‘просить’ осложнена

йотовым суффиксом (впрочем, встречаются презентные формы и без него). Три глагола, *wisan* ‘быть’, *ligan* ‘лежать’ и *sitan* ‘сидеть’, не имеют четвертой формы, причастия II, в силу семантических ограничений: все три глагола – непереходные и неопредельные, а причастие II образуется, как правило, от переходных и имеет пассивную семантику (от шести непереходных предельных глаголов образуется причастие II с активным значением). Огласовка третьей формы, *-ē-* (долгота устанавливается в том числе и на отсутствии готского сужения, затронувшего только краткие гласные), свойственная и глаголам четвертого класса, одними исследователями²⁵ возводилась к огласовке аориста, другими^{26, 27} – к перфекту без редупликации, но с продлением корневого гласного (засвидетельствованного в итальянских и тохарских). У глагола *itan* ‘есть’ огласовка второй формы (в префиксальном варианте глагола) отличается от свойственной классу и совпадает с третьей: *(fra-)itan (fr-)et*.

Общая для этих двух классов сильных глаголов структура корня может быть формализована следующим образом (так называемые *лёгкие корни*²⁸):

$$\sqrt{(C)CeC},$$

где последний согласный корня у большинства глаголов четвертого класса – сонант, у большинства глаголов пятого класса – шумный.

Шестой класс сильных характеризуется следующей огласовкой четырех форм: *-a-*, *-ō-*, *-ō-*, *-a-*. Для иллюстрации класса взят глагол *faran* ‘идти’:

1) *faran*; 2) *fōr*; 3) *fōrun*; 4) *farans*.

Огласовка первой и четвертой форм связана с совпадением и.-е.**ō* и **ā* в герм. *a*. Огласовка второй и третьей форм связана с совпадением и.-е.**ō* и **ā* в герм. *o*. Всего в классе представлено 24 основы. Один глагол, *standan* ‘стоять’, имеет назальный инфикс в основе презенса (вторая и третья формы – *stōþ* и *stōþun* соответственно, четвертой формы нет, так как глагол непере-

²⁵ Sverdrup J. Der Aorist im germanischen Verbalsystem und die Bildung des starken Präteritums // Festschrift til Hjalmar Falk. – Oslo, 1927. – S. 317.

²⁶ Schulze W. Die reduplizierten Präterita des Tocharischen und des Germanischen // Sitzungsbericht der preussische Akademi der Wissenschaften. – Königsberg, 1924. – S. 166–174.

²⁷ Lejeune M. Les correspondants italiques de lat. *finxit* et de lat. *fēcit* // Corolla Linguistica. – Wiesbaden, 1955. – P. 144–153.

²⁸ Сравнительная грамматика германских языков. В 5 т. Т. 4: Морфология (продолжение). – М., 1966. – С. 310.

ходный и неопредельный). Семь глаголов имеют йотовый презентный суффикс, например, *hafjan* ‘поднимать’: 1) *hafjan*; 2) *hōf*; 3) *hōfun*; 4) *hafjans*.

Предполагается, что в этом классе совпало минимум два типа: глаголы с чередованием Н/еН(оН) (например, *sth₃- > *sta-(ndan)* vs *steh₃- *stō-(b)*) и глаголы с корневой ступенью -o-, которая получала продление в претерите (например, *faran*)²⁹. Для этого класса также избыточны четыре формы: противопоставлена основа презенса, от которой, вопреки общему правилу, образуется и основа причастия II, и основа претерита, причём в претерите нет противопоставления единственного и множественного числа в части, касающейся корневой огласовки. Как и в предыдущих двух классах, глаголы этого класса имеют лёгкие корни.

Редулицированные глаголы, часто приписываемые к сильным (седьмой класс), разделяются на две неравные группы: чуть более многочисленные редулицированные глаголы без аблаута (27 основ) и немногочисленные редулицированные глаголы с аблаутом (7 основ). Для иллюстрации типа без аблаута взят глагол *falþan* ‘складывать, сгибать’:

1) *falþan*; 2) *faífalþ*; 3) *faífalþun*; 4) *falþans*.

Для иллюстрации типа без аблаута взят глагол *lētan* ‘позволять’:

1) *lētan*; 2) *laílōt*; 3) *laílōtun*; 4) *lētans*.

Редулицированные глаголы без аблаута в свою очередь подразделяются на пять подгрупп на основании совпадения их корневой огласовки с корневой огласовкой (чаще) второй или (реже) третьей формы сильных глаголов первых пяти классов, то есть у большинства из них (22 из 27 основ) корневая огласовка -o-, у трёх из оставшихся – -ō-, у двух – -ē-. Как и в шестом классе, противопоставлено две основы: основа презенса, от которой, вопреки общему правилу, образуется и основа причастия II, и основа претерита, причём в претерите нет противопоставления единственного и множественного числа в части, касающейся корневой огласовки. Редулицирующий слог всегда имеет одну и ту же огласовку (графически -ai-), которая не

²⁹Сравнительная грамматика германских языков. В 5 т. Т. 4: Морфология (продолжение). – М., 1966. – С. 318.

получила удовлетворительного объяснения (предполагается, в частности, что огласовка отражает рефлекс готского преломления *-ai-* [ε], закономерного у некоторых глаголов этого класса (например, *háitan* ‘звать’ – прет. *haiháit*), но эта версия неубедительна³⁰).

На основании уникальной формы *laíldūn* ‘оскорбляли, поносили’ Штрайтберг реконструирует инфинитив пятого класса *láuan*, но с таким же успехом можно предположить инфинитив *láian* (тип *sáian* ‘сеять’ аблаутирующих редулицированных глаголов).

На основании данных других германских языков к бывшим редулицирующим относят³¹ *báuan* ‘жить’, *tráuan* ‘доверять’ и *gaggan* ‘идти’. В памятниках готского от этих глаголов засвидетельствованы только формы слабого претерита: *báuiáida*, *tráuiáida* (оба по третьему слабому классу), *gaggida* (уникальная форма претерита, по первому слабому; в основном претерит со сходным значением образуется от другого корня: *iddja* ‘он шёл’; у этого корня, в свою очередь, нет других форм, кроме претерита).

Деление **слабых глаголов** менее дробное: выделяется всего четыре класса, из них один (четвёртый) как отдельный класс заявлен только в готском. Все слабые глаголы имеют суффиксы: тематические йотовый (*-ji-/ja-*, первый класс) и назальный (*-ni-/na-*, четвёртый класс) и атематические вокалические (*-ō-*, второй класс, и *-ai-*, третий класс). Общими для всех слабых глаголов являются дентальные формы претерита.

Самым многочисленным (не менее 266 основ) является **первый класс** слабых глаголов. Глаголы класса (в зависимости от типа основы) разделяются на два типа: глаголы с **лёгким** корнем (49 основ) и глаголы с **тяжёлым** корнем (217 основ), у которых в тех формах презенса (второе и третье лица единственного и второе лицо множественного), где у глаголов с лёгким корнем идёт сочетание йотового форманта с тематическим гласным (*-ji-*), появляется (по описательному закону Зиверса) формант приобретает вид *-ei-* [ī].

³⁰ Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. – М., 1954. – С. 187.

³¹ Гухман М. М. Готский язык: учеб. пособие. – М., 2008. – С. 146.

В качестве примеров двух типов выбраны глаголы *lagjan* ‘класть’ *waúrkjan* ‘действовать’.

<i>lagja</i>	<i>lagjam</i>	<i>waúrkja</i>	<i>waúrkjam</i>
<i>lagjis</i>	<i>lagjiþ</i>	<i>waúrkeís</i>	<i>waúrkeiþ</i>
<i>lagjiþ</i>	<i>lagjand</i>	<i>waúrkeiþ</i>	<i>waúrkjand</i>

Большинство глаголов этого класса образуют претерит со звонким вариантом дентального форманта и гласным *-i-*, отделяющим основу от окончания. Традиционно считается, что это тот же суффиксальный формант, что и в презенсе, только без тематического гласного, поэтому вокализовавшийся в межконсонантной позиции. Небольшая группа глаголов образует формы претерита без этого гласного, а дентальный формант представлен глухой разновидностью. В качестве иллюстрации этих двух разновидностей выбраны те же глаголы *lagjan* ‘класть’ и *waúrkjan* ‘действовать’.

<i>lagida</i>	<i>lagidēdum</i>	<i>waúrhta</i>	<i>waúrhtēdum</i>
<i>lagidēs</i>	<i>lagidēduþ</i>	<i>waúrhtēs</i>	<i>waúrhtēduþ</i>
<i>lagida</i>	<i>lagidēdun</i>	<i>waúrhta</i>	<i>waúrhtēdun</i>

Большинство глаголов класса производны от имён. В классе представлена небольшая группа непроизводных глаголов: *siujan* ‘шить’, *taujan* ‘делать’, *sokjan* ‘искать’, *worjan* ‘кричать’, *hazjan* ‘хвалить’, *hropjan* ‘звать’. Части глаголов, имеющих ту же корневую огласовку *-o-* (долгую или краткую), постулируется происхождение от сильных глаголов (на основании того, что их огласовка совпадает с огласовкой второй формы сильных глаголов): упомянутый выше *lagjan* ‘класть’ производят от *ligan* ‘лежать’, *(ga-)brannjan* ‘жечь’ – от *brinnan* ‘гореть’, *(uf-)hlohjan* ‘заставить смеяться’ – от *hlahan* ‘смеяться’ и т. д. В парах отчётливо видна семантическая противопоставленность: глаголы первого слабого класса – каузативы, что хорошо коррелирует с ведийским X классом глаголов, имеющих сходную структуру презенса (к этому классу и возводят часть глаголов первого класса германских слабых глаголов).

Второй класс готских слабых глаголов менее многочисленен (73 основы) и достаточно монолитен: все глаголы производны; предполагаемое для прагерманского смешение двух разных типов спряжения, атематического (с формантом **-ā-*) и тематического (с формантом **-ājo/-āje-*)³², основывается преимущественно на материале западногерманских языков и материалом готского не может быть подтверждено либо опровергнуто. У глаголов, производных от имён с основой на *-in-/-an-* этот формант именной основы (в соединении с глагольным формантом) в результате реанализа стал специализированным суффиксом для образования глаголов класса от имён. Глаголы этого класса во всех формах содержат основообразующий формант *-ō-*. В качестве примера выбран глагол *frijōn* ‘любить’.

frijō frijōm
frijōs frijōþ
frijōþ frijōnd

frijōda frijōdēdum
frijōdēs frijōdēduþ
frijōda frijōdēdun

Третий класс готских слабых глаголов насчитывает 29 основ. Основообразующий формант *-ái-* в некоторых формах презенса имеет вид *-a-*. Происхождение этого чередования дискуссионно, как и само происхождение форманта (или формантов). Несмотря на отсутствие прямых соответствий, сближаются с балтскими и славянскими стативными глаголами на **-ē/-ēi-* (лит. *smirdėti* ‘вонять’, ст.-слав. **СМРЪДѢТИ** ‘то же’). Для примера выбран самый частотный глагол класса, *haban* ‘иметь’.

haba habam
habáis habáiþ
habáiþ haband

³² Streitberg W. Urgermanische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der altgermanische Dialekte. – Heidelberg, 1896. – S. 304.

habáida habáidēdum

habáidēs habáidēduþ

habáida habáidēdun

В отличие от балтских и славянских стативов с нулевой огласовкой корня, имеют любую корневую огласовку.

Четвёртый класс готских слабых глаголов насчитывает 49 основ. Назальный формант в презенсе выглядит тематическим, в претерите формант характеризуется огласовкой *-ō-*, что привело к смешению этого типа спряжения с типом спряжения второго слабого класса в древнеисландском и к поглощению этим классом назального класса. В качестве примера выбран глагол *(ga-)taúrnan* ‘прекращаться’.

taúrna taúrnam

taúrnis taúrniþ

taúrniþ taúrnanð

taúrnōda taúrnōdēdum

taúrnōdēs taúrnōdēduþ

taúrnōda taúrnōdēdun

Из огласовки форманта в претерите делается вывод, что суффикс глаголов этого класса восходит к индоевропейскому типу назальных глаголов с основой на ларингальный³³ (и.-е. **-neh_{2/3}-* > прагерм. **-nā-* и **-nō-* > герм. *-nō-*), вариант форманта *-na-* во множественном числе презенса отражает нулевую ступень форманта (и.-е. **-nh_{2/3}-*), остальные формы в презенсе достроены по аналогии с тематическим спряжением.

В связи с семантическими ограничениями форм медия и причастия II от глаголов этого класса нет и быть не может, так как основное значение активных форм этих глаголов медиопассивно.

³³ Сравнительная грамматика германских языков. В 5 т. Т. 4: Морфология (продолжение). – М., 1966. – С. 391.

Как и в случае с йотовыми глаголами первого слабого класса, всем неотыменным глаголам назального класса постулируется происхождение от сильных глаголов (в данном случае – от четвёртой формы):

<i>(fra-)lusnan</i> ‘гибнуть’	<	<i>(fra-)liusan</i> ‘терять’, II класс;
<i>(ga-)taírnán</i> ‘прекращаться’	<	<i>(ga-)taíran</i> ‘прекращать’ IV;
<i>(and-)bundnan</i> ‘развязываться’	<	<i>(and-)bindan</i> ‘отвязывать’ III;
<i>(us-)gutnan</i> ‘пролиться’	<	<i>giutan</i> ‘лить’ II;
<i>(dis-)hniupnan</i> ‘разорваться’	<	<i>(dis-)hniupan</i> ‘разорвать’ II;
<i>(us-)luknan</i> ‘открыться’	<	<i>(us-)lūkan</i> ‘открыть’ II

Помимо этого семантического противопоставления (сильный глагол обозначает нейтральное действие, а назальный – медиопассивное) глаголы назального класса участвуют и в противопоставлении каузатив – антикаузатив: образованные от одного прилагательного йотовые и назальные глаголы имеют ту же огласовку, что и прилагательное:

<i>(ga-)háiljan</i> ‘излечить’	×	<i>(ga-)háilnan</i> ‘излечиться’;
<i>fulljan</i> ‘наполнить’	×	<i>fullnan</i> ‘наполниться’;
<i>(ga-)bigjan</i> ‘обогащать’	×	<i>(ga-)bignán</i> ‘обогащаться’;
<i>(ga-)qiujan</i> ‘оживлять’	×	<i>(ga-)qiunan</i> ‘стать живым’;
<i>(in-)swinþjan</i> ‘укреплять’	×	<i>(ga-)swinþnan</i> ‘укрепляться’

Особняком стоят **претерито-презентные** глаголы (13 основ). Как следует из самого названия, формы презенса этих глаголов выглядят и спрягаются как претериты сильных глаголов. Претерит от самих претерито-презентных глаголов образуется с помощью дентального форманта, прикрепляющегося непосредственно к консонантной основе глагола, в силу чего дентальный формант часто имеет глухую форму (*-þa-* и *-ta-*, например, *kunþa* ‘я/он знал’, *þaúrfta* ‘я/он нуждался’), но не у глаголов с соновой на сонант (например, *tunda* ‘я/он полагал’, *skulda* ‘он был должен’). Корневая огласовка претерита и причастий I и II (у тех глаголов, огласовка которых меняется при спряжении) нулевая, как и огласовка инфинитива (у тех трёх глаголов, от которых она зафиксирована). Все глаголы этого типа модальные: *kunnan* ‘знать’ (*kann*

‘знаю/знает’), *witan** ‘знать’ (*wáit* ‘знаю/знает’), *skulan** ‘быть должным’ (*skal* ‘я, он должен’), *þaúrban** ‘нуждаться’ (*þarf* ‘я нуждаюсь’), *munan* ‘полагать’ (*man* ‘думаю’), *magan** ‘мочь’ (*mag* ‘могу’, без чередования) и т. д.

К претерито-презентным глаголам примыкает один из **неправильных глаголов** – *wiljan* ‘хотеть’. Его презенс тоже выглядит как претерит сильных глаголов, только не индикатива, а оптатива. Претерит же образуется со звонкой формой дентального форманта. Корневая огласовка во всех формах неизменна. Глагол *wisan* ‘быть’ в части, касающейся форм претерита, относится к пятому классу сильных глаголов (формы 1) *wisan*; 2) *was*; 3) *wēsun*. Презенс образуется от другой основы, \sqrt{es} -, и является единственным в готском представителем спряжения на *-mi* с соответствующим аблаутом:

im sijum

is sijup

ist sind

Как отчётливо видно из этого обзора, система германского глагола была полностью перестроена. Образования, формально сходные с единственным простым перфектом индо-греко-арийского ареала получили (или сохранили, если сравнивать с хеттским?) широкое распространение: это и претерит сильных глаголов, и презенс претерито-презентных и редулицированных глаголов. Сходная огласовка йотовых глаголов не обязательно связана с этой праиндоевропейской перфектной огласовкой, как и нулевая огласовка назального класса глаголов не обязательно связана с нулевой огласовкой причастия II сильных глаголов. Более рационально сближать йотовые глаголы с X классом презенса ведийских глаголов, а назальные глаголы – с назальными же классами. Система семантического противопоставления йотовых и назальных адъективов определённно собственно германская (с учётом отсутствия аблаута), противопоставление же сильных и назальных глаголов может восходить к существенно более раннему периоду. Дентальный претерит глаголов (определённно германская инновация) не делает автоматически основы презенсов слабых и претерито-презентных глаголов вторичными и производными.

2. Назальный класс в системе литовского глагола

Как и германская глагольная система, система балтского (в частности, литовского) глагола подверглась серьёзной перестройке. В литературной норме современного литовского языка атематические глаголы отсутствуют, в то время как в старолитовском их зарегистрировано больше полусотни³⁴. Традиционно у литовского глагола выделяется три основы: основа инфинитива (от которой образуются формы инфинитива, прошедшего длительного, футурума, сослагательного наклонения и императива, а также соответствующих вербоидов: причастий, полупричастий и квазипричастий прошедшего длительного и будущего времён действительного залога и причастий ненастоящего времени страдательного залога), основа настоящего времени (от которой образуются личные формы настоящего времени и вербоиды настоящего времени) и основа претерита (от которой образуются личные формы простого претерита, действительные причастия и квазипричастия простого прошедшего времени). По структуре основ литовские глаголы разделяются на первичные (суффиксов нет ни в одной из трёх форм), вторичные или суффиксальные (суффикс во всех формах: *pietáuti*, *pietáuja*, *pietãvo* ‘обедать’) и смешанного типа (суффикс в одной (*laikýti*, *laĩko*, *laĩkė* ‘держать’) или двух (*turėti*, *tùri*, *turėjo* ‘иметь’ и *bijoti*, *bijo*, *bijójo* ‘бояться’) формах)³⁵. В этой системе координат йотовые, назальные и презенсы на *-st-* оказываются в разряде первичных глаголов: презентным суффиксам присваивается функция семантически пустых формативов. Противопоставление форм инфинитива и претерита вторично: основа инфинитива представлена в тех формах, где за ней следует согласный. По типу гласной финали основы презенса все глаголы распределяются на три спряжения³⁶, причём все первичные и вторичные глаголы относятся к одному (первому) типу спряжения (к одной из двух – твёрдой или мягкой разновидности), а во втором и третьем спряжении – только глаголы смешанного типа. По типу гласной финали основы претерита

³⁴ Stang Chr. Das slavische und baltische Verbum. – Oslo, 1942. – S. 99–101.

³⁵ Амбразас В. Грамматика литовского языка. – Вильнюс, 1985. – С. 254.

³⁶ Там же. С. 263.

все глаголы делятся на два типа, оба типа представлены в первом и третьем спряжениях, только мягкий тип – во втором.

С учётом того, что йотовый, назальный инфикс и формант *-st-* рассматриваются как формативы, число первичных глаголов в литовском велико: больше тысячи (полный список первичных глаголов приведён в прил. 2; выборка производилась из словаря А. Либериса³⁷). Непосредственно первичных глаголов (в число которых входят и неправильные) 138, из которых 37 основ на согласный имеют твёрдый тип претерита, 36 основ на согласный имеют мягкий тип претерита. Иллюстрацией первой группы первичных глаголов выбран первый по алфавиту *áugti* ‘расти’:

áugti – áuga – áugo.

Из 37 глаголов этой группы 14 имеют количественный аблаут (полная ступень в основе презенса, нулевая – в основах инфинитива и претерита), например, *riñkti – reñka – riñko* ‘хватать’, где *i* в основах претерита и инфинитива – рефлекс распадаения слоговых плавных (за исключением *lìkti – liẽka – lîko* ‘оста(ва)ться’, где *i* – нулевая ступень дифтонга *-ei-*). В группе есть глаголы с праиндоевропейской диссимиляцией дентальных смычных на морфемном шве, рефлекс которой совпадает со славянскими, но не совпадает, например, с германскими: *kąsti – kánda – kándo* ‘кусать’.

В группе с мягким типом претерита глаголов с количественным аблаутом всего три (например, *miñti – mēna – mìnė* ‘помнить’), один из них – *vìrti – vérda – vîrė* ‘кипеть’ – с презентным дентальным формантом; также есть глаголы с диссимиляцией дентальных (например, *vèsti – vėda – vėdė* ‘вести’). Есть специфическая подгруппа из семи глаголов с продлением нулевой огласовки в претерите (например, *mìnti – mîna – mýnė* ‘мять’). По типу соотношения гласных финалей презенса и претерита в группу попадают неправильные глаголы *iĩti – ĭma – ěmė* ‘иметь’ и *pùlti – púola – púolė* ‘падать’.

В группе с (условно) вокалическим исходом корня (куда входят и глаголы с неслоговыми гласными верхнего подъёма) возможно три варианта ис-

³⁷ Lyberis A. Lietuvių – rusų kalbų žodynas. – Vilnius, 2005.

хода основы в презенсе (-j-, -v- и -n-) и два – в претерите (-j- и -v-). Глаголы на -ai- (всего 17 глаголов из 65) тяготеют к назальному расширителю основы (например, *aĩti – aĩna – āvē* ‘обувать, разувать’, одно исключение: *niáuti – niáuja – nióvé* ‘обувать, разувать’), у некоторых из них существуют колебания в образовании форм презенса (например, от *kliáuti* ‘доверять’ возможны презенсы *kliáuina* и *kliáuja*, большинство из них имеют продление первого элемента дифтонга в претерите. С назальным формантом образует формы презенса и бывший атематический глагол *ēĩti – eĩna – ějo* ‘идти’, но, в отличие от большинства других глаголов с назальным расширителем, он образует твёрдый вариант претерита (как, впрочем, и *gáuti – gáuina – gāvo* ‘идти’). В группе представлен один глагол с количественным аблаутом: *výti – vēja – vĭjo* ‘вить’. Колебания в огласовке презенса некоторых из глаголов этой группы (15 глаголов) связаны, вероятно, с выпавшим перед сонантом назальным инфиксом (по крайней мере, единственный глагол с подобной структурой, не демонстрирующий подобного продления, *siúti – siùva – siùvo* ‘шить’, имеет хорошие соответствия в других индоевропейских языках), например, *lýti – lŷja – lĭjo* ‘дождить’ и *bliúti – bliũva – bliùvo* ‘блеять’. В группе также представлены два глагола, имеющие соответствия во многих индоевропейских языках (в частности, в ведийском и древнегреческом им соответствуют редуплицирующие глаголы), удваивающие в презенсе корневой согласный: *dúoti – dúoda – dāvē* ‘да(ва)ть’ и *déti – dēda – déjo* ‘класть’. Так как структура удвоения отличается от реконструируемой для праиндоевропейского (продлённая огласовка редуплицирующего слога и отсутствие огласовки редуплицируемого, как и в славянских), предпочитают считать второй дентальный вставным³⁸. Оба глагола зафиксированы в старолитовском как атематические. К этой же группе относится и уникальный глагол *búti – yrà – bùvo* ‘быть’ (со стилистически и семантически маркированными вариантами презенса *bũva, bũna, ěsti*).

³⁸ Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. – М., 1981. – С. 134–157.

Очень многочисленную группу почти исключительно непереходных глаголов (417 глаголов) уместно разделить на четыре подгруппы по критерию форматива: глаголы с основой на шумный смычный с явным назальным инфиксом (109 глаголов, например, *lìpti – liṁpa – lipo* ‘липнуть’), глаголы с основой на сонант/спирант с выпавшим назальным инфиксом (52 глагола, например, *kìlti – kȳla – kīlo* ‘подниматься’), глаголы с основой на сонант/спирант с выпавшим назальным инфиксом, расширенные формантом *-st-* (28 глаголов, например, *sùsti – sũsta – sùso* ‘сохнуть’, один из них – с основой на сонант, *mùrti – mũrsta – mùro* ‘вязнуть’, с вариантом формы презенса без форманта *-st-*, *mũra*) и глаголы с формантом *-st-* (228 глаголов, например, *álkti – álksta – álko* ‘голодать’). Назальные глаголы с полной огласовкой (50 из 180) преимущественно вторичны (производны от имён или от глаголов других классов, которым полная корневая огласовка свойственна), хотя отдельные из них производят впечатление достаточно древних образований (например, *ràsti – rañda – rādo* ‘обрести, обретать’). Все назальные глаголы имеют твёрдый вариант претерита. Два назальных глагола имеют количественный аблаут: *brìsti – breñda – brīdo* ‘брести’ и *skrìsti – skreñda – skrīdo* ‘лететь’. Среди глаголов на *-st-* глаголов с полной огласовкой корня больше (91 из 228). Три глагола этой подгруппы образуют мягкий вариант претерита (*gìmti – gìmsta – gīmē* ‘рождаться’, *miṛti – miṛšta – miṛē* ‘умирать’ и *žliuṛgti – žliuṛgsta – žliuṛgē* ‘мокнуть’), второй из них содержит рефлекс фонетического изменения спiranта форманта по закону Уленбека – Педерсена после *-r-*, что является свидетельством древности форманта (хотя количество глаголов с полной и продлённой огласовкой свидетельствуют против этого).

Самая многочисленная группа первичных глаголов – йотовая (517 глаголов). За исключением двух (одного частотного *léisti – léidžia – léido* ‘пустить, пускать’ и одного редкого *miḷžti – mēlžia – miḷžo* ‘доить’; последний характерен ещё аблаутом, отсутствующим у прочих йотовых глаголов), все глаголы группы имеют мягкий претерит. Большинство глаголов имеет полную огласовку, хотя и глаголы с нулевой огласовкой нередки (большей частью

звукоподражания, которых вообще очень много в группе). Довольно много глаголов типа демонстрируют продление огласовки в претерите (при исходе основы на сонант, как и в подгруппе простых глаголов с мягким претеритом) или в основе инфинитива и претерита (у глаголов с основой на смычный).

Для части глаголов йотовой группы характерна каузативная семантика. Как правило, они имеют полную огласовку и зачастую противопоставлены назальным презенсам и презенсам на *-st-* с нулевой огласовкой, например, *kìlti – kȳla – kilo* ‘подниматься’ и *kélti – kēlia – kēlē* ‘поднимать’, *viṛsti – viṛsta – viṛto* ‘опрокидываться’ и *veṛsti – veṛčia – veṛtē* ‘опрокидывать’. Отчасти это напоминает готское противопоставление йотовых и назальных глаголов, но в готском и те, и другие производны от прилагательных и имеют одинаковую корневую огласовку.

Два типа смешанных глаголов третьего спряжения отличаются всеми формами: *rašýti – rāšo – rāšē* ‘писать’ и *ieškóti – íeško – ieškójo* ‘искать’. В последней группе имеются три исключения: *giedóti* ‘петь’, *miegóti* ‘спать’ и *raudóti* ‘рыдать’ имеют формы презенса *gíeda*, *miēga* и *ráuda* соответственно. Глаголы первого типа часто связаны с каузативной/фактитивной семантикой, глаголы второго типа – стативы/дуративы.

Во втором спряжении представлен один тип глаголов, но стремя подтипами (по огласовке финали презенса): *smirdéti – smirda – smirdéjo* ‘вонять’, *noréti – nóri – noréjo* ‘желать’ и *reikéti – reikia – reikéjo* ‘требоваться’. Глаголов последнего подтипа всего три: кроме указанного выше, это *kentéti – keñčia – kentéjo* ‘страдать’ и *kveréti – kvēpia – kveréjo* ‘пахнуть’. Глаголы этого типа также тяготеют к стативной семантике, для многих из них характерна нулевая огласовка корня.

Атематические глаголы в основном переходили в простые тематические (бессуфиксальные), но некоторое их количество перераспределилось в типы на *-oti* и *-ēti*³⁹.

³⁹ Stang Chr. Das slavische und baltische Verbum. – Oslo, 1942. – S. 102.

Весьма многочисленные в литовском вторичные глаголы (не меньше шести тысяч в словаре Либериса) не представляют интереса ни с формальной, ни с исторической точки зрения и в рамках данной работы рассматриваться не будут. По виду инфинитивов три (из девяти) типов не отличить от смешанных глаголов: тип на *-yti – gėdyti – gėdija – gėdijo* ‘стыдить’; тип на *-oti – lašnóti – lašnója – lašnójo* ‘накрапывать’; тип на *-ėti – lakėti – lakėja – lakėjo* ‘становиться быстрым’. Большинство (пять типов из девяти) имеют йот и в презенсе, и в претерите, два типа (на *-enti* и *-inti*) имеют суффикс с назальным во всех формах, два типа (на *-auti* и *-uoti*) имеют презенс с йотом (после суффикса), но претерит на *-avo* (в первом случае – закономерный).

Практически все известные из старолитовского атематические глаголы закономерно имеют полную огласовку корня, как и сменившие их первичные глаголы и глаголы смешанного типа. Нулевая огласовка свойственна (в большей степени) глаголам с назальным инфиксом и (в меньшей степени) глаголам с формантом *-st-* и стативам на *-ėti* (что находит параллели в славянских назальных глаголах и стативах на *-ѣти*; соответствия литовским глаголам с формантом *-st-* в славянских нет). Все три типа непродуктивны, свойственные им значения передаются в современном языке глаголами с (исходно) возвратным формантом *-si/-s* (как и в славянских, и в скандинавских).

3. Система старославянского глагола

Как и германская, и балтская глагольные системы, система славянского (в частности, старославянского) глагола подверглась серьёзной перестройке. В 1871 году Август Лескин⁴⁰ распределил славянские глаголы по типу презентных основ на пять классов. Несмотря на то, что формально деление более дробное, дальнейшее изложение идёт с опорой на это пятиклассовое деление с подразделением классов на подтипы. В прил. 3 приведён список глаголов непродуктивных типов старославянского (всех пяти классов), выборка про-

⁴⁰ Leskien A. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache: Grammatik Texte Glossar. – Weimar, 1905.

изведена на основе словаря под редакцией Р. М. Цейтлин и др.⁴¹, который составлен на основе памятников старославянского языка в узком смысле: в него не входят данные близких по времени памятников церковнославянских изводов старославянского (сербского, древнерусского, болгарского и т. д.).

Самый малочисленный класс – класс атематических глаголов (**V класс**), в нём представлено всего пять глаголов: **вѣмь**, **дамь**, **ѣсмь**, **ѣмь** и расширенный суффиксом **имамь**. Два из них, первый и последний, имеют инфинитив на **-ѣти** (**вѣдѣти** и **имѣти**), у первого из них есть альтернативная форма первого лица единственного числа презенса **вѣдѣ**, которая возводится к праиндоевропейскому перфекту. Презентная парадигма глагола **дати** демонстрирует редупликацию либо вставной дентальный элемент (в первом и втором лице единственного предположительно утраченный в результате праславянского упрощения консонантных кластеров), который проникает и в формы прошедшего времени (например, форма имперфекта **дадѣаше** в Зографском четвероевангелии при закономерной стяжённой форме **даѣше** в соответствующем месте Мариинского). Дентальный исход корня другого атематического глагола, **ѣсти**, также утрачен в соответствующих формах единственного числа, в основе инфинитива в контакте с последующим дентальным он переживает диссимиляцию. Глагол **ѣсмь** сохраняет в презенсе одну форму множественного числа с количественным аблаутом (**сѣтъ**), все непрезентные формы принадлежат другому глаголу, **быти**.

Наибольшим формальным разнообразием отличается **I класс** старославянского глагола (101 глагол в выборке). Их удобно разделить на две группы: с консонантной и с (условно) вокалической основой презенса (хотя часть глаголов последней группы формально относится к третьему, йотовому классу, в работе принято решение относить к третьему классу только глаголы, содержащие два маркера третьего класса: йот в парадигме презенса и формант **-а-** в основе инфинитива). Глаголы с консонантной основой распределяются

⁴¹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). – М., 1994.

на четыре подгруппы: глаголы *с основой на шумный*, глаголы с основой на сонант (*назальный* или *плавный*) и глаголы с основой на сонант или смычный, *имеющие формант -а-* в основе инфинитива.

Наиболее простое соотношение основ у глаголов с основой на спирант: у глаголов с глухим спирантом основа совпадает (4 глагола, тип **нести** – **несж**), у глаголов со звонки происходит позиционное оглушение спиранта в основе инфинитива (6 глаголов, тип **вести** – **везж**). В последнем типе представлен глагол с несовпадением огласовок основ **врѣсти** – **врѣзж** (нулевая в презенсе, полная в инфинитиве с южнославянским продлением). Два глагола класса, **вждж** и **идж**, в основе инфинитива не имеют дентального форманта: **быти** и **ити**. Презенс глагола **быти** также характеризуется наличием назального инфикса, соотношение огласовок основ невозможно установить, хотя предполагается, что в презенсе нулевая огласовка. Глаголы с основой на губной (**гревж**, **тепж**, **чрьпж** и **завж**) в основе инфинитива утрачивают губной (**грети**, **тетти**, **чрѣти** и **зати**), хотя встречаются и вторичные формы вроде **завести**. У глагола **чрѣти** нулевая огласовка корня в презенсе противопоставлена полной в инфинитиве. Глаголы с основой на дентальный (17 глаголов, тип **блюсти** – **блюдж**) демонстрируют в основе инфинитива те же рефлекс-праиндоевропейской диссимиляции в консонантном кластере дентальных, что и в балтских. Два глагола имеют противопоставление корневых огласовок: полная ступень в основе инфинитива (**цвисти** и **чисти**, где **-и-** из ***-ei-**) и нулевая – в основе презенса (**цвьтж** и **чьтж** соответственно). Один из глаголов типа содержит назальный инфикс: **сѣсти** – **сѣдж**, соотношение огласовок основ невозможно установить, хотя предполагается, что в презенсе нулевая огласовка. Сходная форма инфинитива у другого глагола с назальным инфиксом, **обрѣсти**, но его форма презенса осложнена йотовым формантом (**обрацж**). Глаголы с основой на заднеязычный (16 глаголов, тип **реци** – **рекж**) в основе инфинитива отражают рефлекс рефлекс южнославянской па-

латации кластера *-kt- перед гласным переднего ряда (в восточнославянском иной рефлекс – -ч-). В типе также представлен глагол с несовпадением огласовок основ **врѣци** – **врыгж**, а также глагол с назальным инфиксом: **лѣци** – **лѣгж**, соотношение огласовок основ невозможно установить, хотя предполагается, что в презенсе нулевая огласовка.

Доминируют в подгруппе глаголы с огласовкой *-е-, хотя представлены и другие типы (впрочем, огласовка части глаголов не может быть непосредственно установлена, так как при структуре корня CVNC происходило устранение кластера носовой + шумный путём назализации корневого гласного, причём все гласные одного ряда (независимо от долготы, краткости и подъёма) давали один рефлекс (в группе представлено 8 глаголов с -ѣ- в корне в обеих основах, например, **грясти** – **грядж**)

Подгруппа с основой презенса *на носовой смычный* немногочисленна (7 глаголов, тип **жѣти** – **жѣмж**). У всех глаголов группы корневая огласовка инфинитива не может быть определена, но в презенсе все они имеют очевидную нулевую огласовку (за исключением **ѣти** – **имж**, у которого, вероятно, корень начинался с гласного переднего ряда, который в абсолютном начале слова по общему правилу прикрывался вставным йотом; в префиксальных глаголах от этого корня, в случае, если префикс заканчивался на согласный, основа имеет вид -ѣмж).

На основании сопоставления с формально схожими глаголами следующей подгруппы *на плавный смычный* (7 глаголов, тип **мрѣти** – **мърж**), которые также имеют нулевую корневую огласовку презенса, а в основе инфинитива огласовка полная (метатеза с продлением – рефлекс южнославянского неполногласия), можно предположить, что и в инфинитивах глаголов с основой презенса на носовой смычный корневая огласовка полная. Впрочем, у некоторых глаголов этой группы наблюдаются колебания между продлённой и нулевой огласовкой инфинитива (видимо, под влиянием форм презенса), например, встречаются инфинитивы **жрѣти**, **трѣти** и **жръти**, **тръти**. К этой

группе примыкают глаголы со сходным оформлением инфинитива (**млѣти**, **брати** и **клати**), но с полной ступенью и йотовым формантом в презенсе (**мелѣж**, **борѣж** и **колѣж**).

Подгруппа глаголов, *имеющих формант -а-* в основе инфинитива также немногочисленна (12 глаголов, тип **вьрати** – **верѣж**), пять из них (как и указанный выше) имеют полную корневую огласовку презенса при нулевой инфинитива (**гънати** – **женѣж**, **дѣрати** – **дерѣж**, **пѣрати** – **перѣж**, **зѣвати** – **зовѣж**). Остальные глаголы группы не имеют противопоставления огласовок форм, при этой она может быть как полной (**искати** – **искѣж**, **ковати** – **ковѣж**, **метати** – **метѣж**), так и нулевой (**тѣкати** – **тѣкѣж**, **рѣвати** – **рѣвѣж**, **сѣсати** – **сѣсѣж**, **жѣдати** – **жѣдѣж**). У последнего глагола форма презенса иногда принимает вид **жидѣж** (вероятно, под влиянием однокоренного глагола третьего класса, где нулевая огласовка корня получала продление). Также у глаголов группы отмечаются колебания в образовании форм презенса: так, помимо **метѣж** встречается форма **мещѣж** и даже **мѣтаѣж** (обе формы переводят глагол в третий класс), помимо **искѣж** – **ицѣж**, помимо **ковѣж** – **коуѣж**, помимо **тѣкѣж** – **тѣчѣж**.

Группа глаголов с вокалической основой подразделяется на глаголы с основой на праславянский дифтонг (5 глаголов, тип **плоути** – **пловѣж**) и глаголы с формантом (остальные 17). Два из глаголов первого типа – варианты друг друга: **рюти** – **рѣвѣж** и **роути** – **ровѣж**. Дифтонг с другим исходом представлен в **пѣти** – **поѣж**. Два глагола образуют формы презенса со вставным -в-: **жити** – **живѣж** и **плѣти** – **плѣвѣж**. Остальные образуют презенс с помощью йотового форманта: **знати** – **знаѣж**, **крыти** – **крыѣж**, **лити** – **лиѣж**, **чоути** – **чоуѣж**. У некоторых глаголов представлены колебания корневой огласовки презенса: **пити** – **пиѣж** и **пыѣж**, **бити** – **биѣж** и **быѣж**. Хабургаев⁴² считает, что у всех глаголов этого типа нулевая огласовка презенса, которая перед йотом

⁴² Хабургаев Г. А. Старославянский язык: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1974. – С. 316.

преобразуется в так называемые напряжённые редуцированные. Смочиньски⁴³, сопоставляя данные балтских и славянских глаголов подобного типа, считает и вставной -в-, и вставной йот рефлексом интервокальных ларингалов. К подтипу глаголов с вокалической основой инфинитива и йотом в презенсе примыкает **дѣти – дѣждж** (с редупликацией или вставным дентальным), который имеет варианты, полностью соответствующие третьему классу **дѣяти – дѣйж, дѣлати – дѣлайж**. Колебания в форме инфинитива наблюдаются у следующих глаголов: **сѣти и сѣяти – сѣйж, грѣти и грѣяти – грѣйж**.

Глаголы **III класса**, в свою очередь, разделяются на три формальных типа: глаголы с формантом -а- только в основе инфинитива (непродуктивный тип, например, **блѣвати – блѣйж**), глаголы с формантом -а- и в основе инфинитива, и в основе презенса (а также с добавлением других формантов, продуктивный тип, например, **бывати – бывайж**) и глаголы -ѣти (ограниченно продуктивный тип, например, **имѣти – имѣйж**), сохраняющие ять и в формах от основы презенса.

В непродуктивном типе есть вариативность в образовании форм презенса: так, в выборке из 73 глаголов у 15 имеются формы с инфинитивным -а- и в основе презенса: **гывати – гывайж и гываѣж, двизати – двиѣжж и двизаѣж**.

Противопоставление корневой огласовки презенса редко, но есть (7 случаев): в основе инфинитива представлена нулевая огласовка, в основе презенса – полная, например, **стѣлати – стѣлѣж**. Но даже в этом непродуктивном типе представлены явно вторичные отыменные глаголы (например, **зобати – зобайж, сѣхати – сѣшж, пошасати – пошашж**. Вообще, йотовые глаголы могут иметь любую огласовку корня. Традиционно к этому классу относят глаголы с продлённой нулевой огласовкой (которая отчётлива в случае, когда эта нулевая огласовка реализуется как сверхкраткий гласный непереднего ряда -ѣ- и продлевается, соответственно, в -ы-, но менее очевидна для

⁴³ Smoczyński W. Hiat laryngalny w językach bałto-słowiańskich. – Kraków, 2003.

сверхкраткого переднего **-ь-**, который, продлеваясь, даёт **-и-**, совпадающий с рефлексом монофтонгизации дифтонга ***-ei-**). Впрочем, ни механизм такого продления, ни его избирательность объяснения не получили; например, в этой группе представлены два глагола (с разными, впрочем, значениями), восходящие к одному корню: уже упомянутый выше **гъѡвати** (с колебаниями в формах презенса) и **гъѡвати – гъѡвѡж** (последний не встречается без префиксов). Следовательно, само по себе присутствие в классе не может стать причиной продления.

Глаголы **IV класса** очень многочисленны, маркером большинства из них является формант **-и-** основы инфинитива и большинства форм презенса, чередующийся с йотом в форме первого лица единственного числа, например, **носити – ношж**. Часть глаголов имеет каузативную/фактитивную семантику, зачастую коррелирующую с огласовкой **-о-**, общей для всех основ, много глаголов, производных от имён. В классе есть небольшая группа (41 глагол) с основой инфинитива на **-ѣти** (или его вариант **-ати**, где ять вызвал палатацию предшествующего смычного, сам раскрывшись в **-а-**). Эти глаголы тяготеют к нулевой огласовке (более половины из списка), зачастую имеют стативную семантику, например, **бъдѣти – бѣждж** (данный тип непродуктивен). Формы настоящего времени глаголов этого типа не отличаются от форм всего класса. Возможно, именно совпадение форм инфинитива, а также форм первого лица единственного числа настоящего времени, привело к тому, что у глаголов III класса **-ѣти** ять распространился на все формы. Возможно также, что совпадение форм первого лица единственного числа у глаголов III и IV класса в целом привело к тому, что у глаголов третьего на **-ати** формант **-а-** распространился во все формы.

Атематические глаголы в части, касающейся корневой огласовки, не демонстрируют единства. Глаголы первого класса, как правило, характеризуются полной огласовкой обеих основ, хотя есть подтипы с основой на сонант, где нулевая ступень презенса противопоставлена полной ступени осно-

вы инфинитива (в основной подгруппе с основой на смычный тоже есть такие глаголы, и противопоставление огласовок также коррелирует с сонантами), а с подгруппе с инфинитивным формантом **-а-** есть глаголы с основой на сонант, характеризующиеся обратным противопоставлением: нулевая огласовка инфинитива против полной огласовки презенса (чему, в отличие от предыдущего типа, есть соответствие в литовском, например *žinóti – žino – žinójo* ‘знать’). Другая часть глаголов этой подгруппы не имеет чередования, но в обеих формах представлена нулевая ступень. Нулевая ступень без чередований есть и у небольшой части простых йотовых глаголов. Тяготеют к нулевой огласовке стивы IV класса на **-ѣти** (в отличие от частично совпадающих с ними по оформлению и семантике глаголов с тем же инфинитивным формантом йотового класса). Вероятна нулевая огласовка и глаголов с назальным инфиксом (что не может быть доказано напрямую, но предполагается из системных требований).

Глаголы **II класса** и их соотношение с другими классами, а также их происхождение – тема следующего подраздела.

4. Место назальных глаголов в системе старославянского языка

В славянских языках **инфиксальный класс** представлен основами на смычный (что формально соответствует VII древнеиндийскому классу). Славянские глаголы с назальным инфиксом, в отличие от санскритских и хеттских, тематические. Сохранили назальный компонент только в основе презенса четыре из них: **сѣдѣж**, **лѣгѣж**, **бѣдѣж** и **обръцѣж**. Только первый из них имеет соответствие с назальным формантом за пределами славянской группы - в древнепрусском зафиксирована форма *sīnda*. У последнего, согласно Фасмеру, есть префиксальное соответствие в литовском: *surėsti – sūrėčiau*, у которого, в свою очередь, есть однокоренной беспрефиксальный глагол *ràsti – rañda – rādo* ‘найти’. Впрочем, Фасмер приводит форму *surėsti* со ссылкой на Беценбергера: ни в одном словаре этот глагол не фиксируется. Версию Вайяна (**rēt < *ret* ‘бежать’, ср. др.-ирл. *rethim* ‘бегу’, лит. *rātas*

‘колесо’, лат. *rota*, д.-в.-н. *rad* ‘колесо’, др.-инд. *ráthas* ‘повозка’) Фасмер считает сомнительной. Расмуссен⁴⁴ предполагал праформу **ob-vret-* и связывал её, как и Бругман, с др.-гр. *εὑρίσκω* ‘нахожу’ (в этом случае необъяснима форма ц-сл. **сърѣтениѣ**).

Точное количество глаголов, обобщивших презентный инфикс, определить затруднительно, так как далеко не все из них сохранили параллельный корень без инфикса, не распространившегося на всю парадигму. Помимо этих четырёх глаголов, Станг выделяет ещё два: **трысѣж** и **грьдѣж**. Ян Отрембский⁴⁵ выделил, прежде всего на материале польского языка, несколько глаголов содержащих скрытый инфикс; им соответствуют, например, современные русские *купать*, *рубить* и т. д. Показателен его пример *wędzić* ‘коптить’, родственный русскому *вянуть*. Таким образом, глагол **оуѣвѣнѣж** содержит и инфикс, и суффикс. В литовском существует когнат с формантом *-st-* в основе презенса: *výsti – výsta – výto*. Непосредственно на инфикс указаний нет, но продлённая нулевая огласовка презенса может быть следствием его выпадения с компенсаторным удлинением, а огласовка инфинитива и претерита быть следствием обобщения презентной огласовки (если даже предположить, что сонант был корневым, то в основе претерита нет условий для его выпадения; следовательно, без привлечения гипотезы о реанализе не обойтись).

Всего во втором праславянском классе представлено 11 глаголов с юсовой огласовкой корня. Кроме упомянутого выше **оуѣвѣнѣж** это:

ѡѡзѣнѣж	др.-греч. <i>ἄρχω</i> ‘завязываю’, лат. <i>angō</i> ‘то же’		
грьдѣнѣж	<i>gramzdaũ</i> ‘погружаю’	<i>gramzdýti</i>	<i>*√gremg^h</i>
зѡѡѣнѣж	<i>žembiũ</i> ‘режу’	<i>žẽmbti</i>	<i>*√gemb^h</i>
клякѣнѣж	<i>klénkũ</i> ‘ковыляю’	<i>klénk̃ti</i>	<i>*√k^(u)lenk^(u)</i>

⁴⁴ Rasmussen J. E. The IE Background of the Slavic Nasal-Infix Presents // *Arbejdspapirer udsendt af Institut for Linguistik, København Universitet* 7, 1988. – P. 189.

⁴⁵ Otrębski J. S. Einige slavische Wörter mit nicht erkanntem infigiertem Nasal // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 33, 1966/67. – S. 313–321.

МАНЖ	<i>mìnkau</i> ‘мну’	<i>mìnkyti</i>	*√ <i>menk</i>
МАНЖ	<i>miniù</i> ‘вспоминаю’	<i>minéti</i>	*√ <i>men</i>
ПРА(Г)НЖ	<i>springstù</i> ‘давлюсь’	<i>sprĩngti</i>	*√ <i>spreng^h</i>
САГНЖ	<i>segù</i> ‘застёгиваю’	<i>sègti</i>	*√ <i>seg</i> (!)
САКНЖ	<i>senkù</i> ‘опускаюсь’	<i>sèkti</i>	*√ <i>sek</i> (!)
ТА(Г)НЖ	<i>tĩngiu</i> ‘ленюсь’	<i>tingéti</i>	*√ <i>t^heng^h</i>

Наличие носового и в основе настоящего, и в инфинитиве литовских глаголов свидетельствует о том, что носовой является частью корня. Есть только один случай презентного носового инфикса: *sèkti* – *senkù*. Сопоставление же форм **САГНЖ** и *segù* указывает на присутствие назального инфикса в славянском глаголе. Впрочем, в памятниках старославянского фиксируется и собственно славянский суффиксальный глагол с продлённой перфектной огласовкой корня: **САГНЖ** ‘выйду замуж’. Следовательно, из 11 суффиксальных назальных глаголов с юсовой огласовкой корня минимум три являются ещё и инфиксальными назальными презенсами.

В памятниках старославянского языка представлен только один глагол *с суффиксом* только в презентной основе: **стати** – **станж**. Другой современный русский глагол подобного вида, *деть* – *дену* (ст.-сл. **дѣти**), как было указано выше, в настоящем времени в памятниках старославянского встречается в третьем классе (либо в редуцированной форме, **деждж**, либо с иным суффиксальным формантом, **дѣжж**). В современном русском языке к этому типу примыкает глагол *стыть* – *стыну*, вторичное образование от древнерусского **стыднѣти**.

Видимо, только **стати** отражает ситуацию, когда назальный суффикс был привязан только к основе настоящего времени и не начал проникать в формы, образованные от инфинитивной основы. Эта особенность, возможно, связана с его семантической уникальностью и изолированностью, с его частотностью и функцией вспомогательного глагола при образовании футу-

рума. Впрочем, в современном украинском литературном языке инфинитивная форма выровнялась по основе настоящего времени.

Всего в памятниках старославянского языка представлено 64 глагольные основы с *назальным суффиксом*, одна из которых, *гонѣзнѣ* ‘освобождаюсь’, представляет собой позднее заимствование, вероятно, из готского, в котором есть соответствие *ganisan* ‘оправляться’ (V класс сильных глаголов), что косвенно свидетельствует о продуктивности класса в момент заимствования (вместе с ним в продуктивные III и IV классы проникли *гонажати* ‘освобождать’ и *гонозити* ‘освободить’. Из оставшихся шестидесяти трёх 23 основы имеют нулевую огласовку корня (например, *сѣхнѣ* и *дрѣзнѣ*). Нулевая огласовка вполне может быть и у некоторых из описанных выше одиннадцати основ с носовым гласным в корне. Пять основ имеют продлённую нулевую огласовку в корне (огласовка *-ѣ-* как у *гѣвнѣ*). Возможно, продлённая нулевая огласовка есть и у глаголов с корневым *-и-*, но в силу того, что этот *-и-* может также восходить к стянувшемуся дифтонгу **-ei-*, разделить такие случаи сложно (но есть вероятность, что у какого-то количества из восьми глаголов с такой огласовкой она восходит к полной). Полная огласовка определённо представлена только у трёх глаголов: *заклѣ(п)нѣ* ‘закрою’, *ищѣзнѣ*, *плюнѣ*. Формально корневой гласный в *дѣвнѣ* ‘стерегу’ представляет собой продлённую ступень полной огласовки, но, возможно, это продление фонетического характера (по закону Винтера), и поэтому основа может рассматриваться вместе с другими основами с полной ступенью **-е-*. Четыре глагола (*коснѣ*, *доунѣ*, *соунѣ*, *то(п)нѣ*) имеют огласовку *-о-*, вероятно, к ним примыкает *планѣти (сѣ)* (основа **rol-*), ещё четыре (например, *гаснѣ*) имеют продлённую ступень огласовки **-о-*, отсутствие мены корневого гласного у представленных в других классах однокоренных глаголов (*гашѣ* и *оугасѣ*) может свидетельствовать о позднем вхождении как в класс, так и в глагольную систему в целом (это относится и к другим глаголам с ненулевой огласовкой). С учётом того, что только глаголы с нулевой

огласовкой (при наличии форманта) могут возводиться на протоиндоевропейский уровень, не более половины основ могут претендовать на непосредственно сколько-нибудь древнее происхождение, вторая половина – славянские новообразования.

По типу финали основы выделяется группа с основой на гласный (12 основ). За исключением **гънж** и **кы(в)нж**, аористные формы которых не засвидетельствованы, все основы этого типа (тип **ринж**) имеют назальный формант во всех претеритальных формах (что приводит к тому, что все они имеют формы сигматического аориста, как и все глаголы с основой на гласный). За исключением **манж**, в котором корневой слог открылся в протославянский период с падением ларингалов, все основы получили гласную финаль в результате праславянских фонетических процессов упрощения дифтонгов и дифтонгических сочетаний. За исключением **планж**, все девять основ имеют пассивное причастие прошедшего времени с суффиксом **-нов-**. Эти девять основ выделяются также общим пунктивным способом действия. Именно эти глаголы традиционно возводят к индоевропейским *neu-презенсам⁴⁶.

В отличие от них, одиннадцать глаголов, теряющих в основе настоящего времени смычную финаль корня, образуют простой аорист со смычным (кроме **ка(п)нж**). Последний выделяется также и образом действия: кроме него, все основы этого подтипа относятся к «инхоативам». Основа **тл(г)нж** отличается переходностью. Возможно, сюда же стоит отнести и вторично переходную основу **гънж**, формально примыкающую к предыдущему подтипу, от которой в памятниках старославянского не зафиксировано претеритальных форм. Из глаголов с носовым гласным в корне только от одного, **манж**, есть (в более поздних текстах) производное имя с формантом **-нов-**: **помановеник** (впрочем, от того же корня есть глагол **помановати**, хотя, возможно,

⁴⁶ Мейе А. Общеславянский язык. – М., 1951. – С. 185.

именно назальные глаголы сыграли не последнюю роль в появлении глаголов с таким суффиксом).

Среди оставшихся основ, имеющих финалью либо смычный, либо сплант, закономерностей выявить не удалось.

Нулевая корневая огласовка назальных глаголов иногда противопоставлена ненулевой других классов. Так, производные от прилагательного **соуҳъ** (с именной огласовкой -о-) распределены в разные классы: каузатив IV класса (точнее, трансформатив) имеет ту же огласовку – **соушж**, итератив III класса имеет варианты -**сѣшж** и -**сѣхаж**, а соответствующий назальный глагол II класса – только нулевую, **сѣхнж**, (параллель этому есть в литовском: от *saũsas* ‘сухой’ есть глагол *saũsinti* ‘сушить’, сохраняющий огласовку прилагательного, и есть глагол *sũs(t)a* ‘(он/они) сохнет/сохнут’, отображающий нулевую огласовку (продлѐнную выпавшим назальным инфиксом, а затем расширенную формантом -*st-*; впрочем, встречается он и без форманта). Но, однако, другие глаголы, производные от прилагательного, аблаута не демонстрируют: **дрѣзъ** > **дрѣзати**, **дрѣзовати**, **дрѣзнжти**.

Подобная модель представлена и у глаголов-девербативов, не имеющих назального суффикса в формах аориста и, следовательно, демонстрирующих совпадение аористных форм с глаголами первого класса: форма **вѣже** может восходить как к **вѣци**, так и к **вѣгнж**. Ту же корневую огласовку демонстрируют и однокоренные глаголы III и IV классов: **изѣвѣгати** и **вѣжати** соответственно. Аналогично форма аориста **възнѣзъ** может равным образом быть как от глагола **възнѣсти**, так и от глагола **нѣзнжти**. Также аорист **сѣпраже сѣ** может быть как от глагола II класса **сѣпрагнжти сѣ**, так и от глагола I класса **сѣпраци сѣ**.

Отдельную сложность представляет огласовка форманта в претеритальных формах (в частности, в инфинитиве). Возможны три версии суффиксальной огласовки инфинитивных форм назальных глаголов:

1. Фонетически закономерная: -**нж**- < *-*non-*.

2. Вторичная назализация под воздействием предшествующего носового согласного: **-нж-** < ***-ноу-**.

3. Проникновение большого юса из личных форм: **стынж** > **стынжти**.

1. В старославянских кириллических текстах инфинитивы назального класса глаголов безысключительно пишутся с большим юсом. Такая настойчивость в написании, при том, что мена большого юса и ука старославянскому не свойственна, а также наличие в этой позиции носового в польском, свидетельствует о соответствии написания произношению. Встаёт вопрос: что за дифтонгическое сочетание было на месте этого большого юса в праславянском? Самым простым ответом было бы сочетание переднего гласного и носового согласного. Большинство учёных этот ответ не удовлетворяет, ведь тогда встаёт новый вопрос: что это за формант, ***-ноп-**, почему он присутствует только в инфинитивной форме и не встречается ни в одной из личных форм глаголов, каково его значение и происхождение? Если мы имеем дело с редупликацией, почему только в этом форманте?

Разрешить эти вопросы не помогает и внешняя реконструкция. Во-первых, несмотря на то, что назальные глаголы представлены в той или иной степени практически во всех индоевропейских языках, нигде (кроме, возможно, хеттского) не представлен редулицированный вариант суффикса или инфикса. Во-вторых, редупликация крайне редка и встречается только в корнях.

Таким образом, ни внутренняя, ни внешняя реконструкция не могут дать ответы на вопросы, возникающие при принятии версии о фонетической закономерности большого юса в инфинитивах назальных глаголов. За принципиальной неразрешимостью придётся оставить этот вариант.

2. А. Мейе и Хр. Станг считали, что славянские назальные суффиксы восходят к инфиксальному классу глаголов, где инфикс предшествует ***-у-** основы (в санскрите этот класс известен как V класс глаголов с чередованием ступеней **-no-/-nu-** < ***-неу-/-nu-** типа *śṛnóti* ‘слушает’). Соответственно, предполагалось, что в инфинитиве и формах, образованных от основы инфи-

нитива, представлена аблаутная ступень суффикса, а именно *-*поу*-. Проявляется она в формах страдательных причастий прошедшего времени типа **отъриновенъ** и в отглагольных существительных типа **въскрьсновеннѣ**. Исходя из этого постулируется та же ступень и в инфинитивном суффиксе, где дифтонг *-*оу*-, оказавшись в закрытом слоге, испытал прогрессивное влияние носового согласного суффикса и назализовался, потому произносился как носовой гласный и отображался на письме большим юсом.

3. Исторически в глаголе противопоставлены две основы: основа настоящего времени и так называемая основа инфинитива. Названия основ традиционны, и если название первой из них (применительно к славянским языкам) имеет под собой реальную почву, то второе – только дань традиции. От основы инфинитива образовывались аорист, имперфект, инфинитив, супин и причастия прошедшего времени. Простой аорист имеет широкие индоевропейские параллели и, возможно, именно он был исходной формой глагола, маркирующей действие как таковое, противопоставленной формам с разного рода детерминативами, как то формам имперфекта и настоящего времени. Славянский инфинитив же – позднее (балто-?) славянское новообразование.

Назальный класс глаголов как никакой другой ярко демонстрирует разрушение противопоставления двух основ. Основа настоящего времени проникает и в имперфект (**сѣхнѣахъ**), и в аорист (**минѣхъ**), и в причастия прошедшего времени (**минѣлѣ**). И именно основа настоящего времени повлияла на появление носового суффикса в инфинитиве. Мейе славянские аористы с назальным формантом возводит к праиндоевропейскому имперфекту. Впрочем, их атрибуция не имеет особого значения: индоевропейский имперфект есть вторичное образование от основы настоящего времени, то есть славянские аористы с назальным формантом образованы от назальных презентов. Хронология этого события не столь важна, важно направление образования форм.

Исходно только в четырёх личных формах настоящего времени тематический гласный присутствовал в ступени чередования *-*о*-: в первом лице

единственного числа и (вероятно) в первом лице двойственного и множественного и (определённо) в третьем лице множественного. В первом лице двойственного/множественного огласовка презенса была утрачена под влиянием морфологической аналогии (но осталась в аористе). Та же ступень представлена во всех формах причастий настоящего времени действительного и страдательного залогов (с той лишь разницей, что в действительных причастиях слог закрыт носовым согласным и фонетически закономерно появление носового гласного, отображаемого на письме большим юсом, а в страдательных причастиях слог открыт и ступень чередования наглядна). Впрочем, даже если это объяснение верно для инфинитивов, оно неприменимо к пассивным причастиям прошедшего времени и отглагольным существительным, где отчётливо представлен **-нов-** (отдельная проблема – как из **-neŭ-* получилось это **-нов-**). Распространённость этого форманта у семейфактивов (или, точнее, пунктивов) при противопоставленности их «инхоативам» породила идею о том, что семантически противопоставленные подклассы суффиксальных назальных глаголов восходят к разным классам.

Так как в отличие от семейфактивов «инхоативы» не сохранили свидетельств того, какой из назальных суффиксов расширял их основу, наиболее удобное объяснение состоит в том, что это был бесследно выпавший ларингал форманта. Поэтому (вопреки пресловутой семантике) «инхоативный» подкласс назальных глаголов принято сближать с древнерусским глаголом **кръню** ‘покупаю’ (инфинитив **крити*), оформленным по III классу, которому соответствует инфиксальный атематический ведийский *krīṇāmi* ‘покупаю’ с основой на ларингал. Если же отказаться от идеи видеть в форманте подкласса распространившийся назальный суффикс с ларингалом, то вопрос происхождения форманта становится принципиально неразрешимым: происхождение форманта неизвестно, это может быть как тот же формант, что у пунктивов, так и формант с ларингалом, а также простое сочетание назального с тематическим гласным.

Важно отметить, что у назальных глаголов в славянских (и в балтских) языках не только отсутствует противопоставление корневой огласовки основ, у них отсутствует и семантическое противопоставление основ: назальный формант вовсе не несёт приписываемого ему значения, так как тот же характер действия описывается претеритальными формами. Следовательно, связь форманта с «инхоативностью» и пунктивностью неубедительна, и можно допустить, что формант для двух подтипов един, а семантические различия связаны с самими глагольными корнями и с их семантическими противопоставлениями с однокоренными глаголами в других глагольных в системе глагола.

Традиционно славянские глаголы с назальным инфиксом описывают термином «инхоатив». Инхоативы в строгом смысле – это, скорее, фазовые глаголы (чаще всего в славянских языках носителями фазовых значений являются не сами глаголы, а глагольные префиксы). Возможно, такая атрибуция связана не столько со значением самих глаголов, сколько с их переводом: отсутствие морфологического выражения инхоативности во многих европейских языках (немецком, французском и, прежде всего, английском) приводит к тому, что шведский *att blekna* ‘блѣкнуть’ на английский переводится ‘*to go pale*’, *att kallna* ‘мѣрзнуть, холонуть’ – ‘*to become cold*’. Славянские инфиксальные глаголы не обозначают начала действия, а маркируют точку перехода в состояние (в будущем сяду и буду сидящим; в будущем лягу и буду лежащим), для описания этого больше подходит термин *ингрессив*. Вопреки распространённому мнению, по способу действия инфиксальным глаголам ближе не «инхоативы», а пунктивы, которые также имеют совершенный вид и без префиксов (хотя, конечно, есть между ними и серьёзная разница: пунктивы описывают активное преобразование внешнего мира, а не переход субъекта/объекта в состояние). «Инхоативы» же имеют начинательный оттенок значения только при наличии соответствующего префикса, не расширенная префиксом основа несёт мутативное значение, описывая продолжительный процесс изменения субъекта или объекта, неконтролируемого субъектом, который, как правило, уже идёт, а не произойдёт в будущем. С другой стороны,

этот процесс имеет предел; в LIV используется термин *фиентив* для обозначения предельного глагола постепенного изменения состояния.

Серьёзное отличие между подгруппами связано с продуктивностью: если в старославянском их количество сопоставимо (около 20 мутативов и около 40 пунктивов), то в древнерусском статистика иная: около 40 мутативов против сотни пунктивов⁴⁷. В современном русском мутативов около 60, а число пунктивов превышает три сотни⁴⁸. Увеличение количества мутативов вообще может объясняться не продуктивностью, а только увеличением выборки за счёт вовлечения пластов лексики, не использовавшейся в памятниках старославянского. Непродуктивность может быть следствием того, что ту же нишу (точнее, в том числе и ту же нишу) заняли (исходно) возвратные глаголы. Впрочем, это объяснение неприменимо ни к балтским, ни к готскому: в литовском широко представлен как класс глаголов с назальным инфиксом (и класс сходных по семантике глаголов с формантом *-st-*), так и возвратные глаголы, а в готском сосуществовали медий, возвратные формы и назальные глаголы.

⁴⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. — СПб., 1893–1912.

⁴⁸ Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. — М., 1980.

Заключение

Глаголы, относящиеся ко II классу, имеют несколько типов корневой огласовки, что не только маркирует их происхождение, но и определяет хронологию появления глагола в классе. Глаголы, имеющие иную огласовку, кроме нулевой безударной, не могут рассматриваться как исходные в классе.

Наличие нулевой огласовки – необходимое условие для возведения любого суффиксального глагола на праиндоевропейский уровень.

Распределение глаголов по типам финали корня выявляет связь между характером финали и типом претеритальных форм: так, все глаголы с вокалической финалью корня (кроме частотного **станѣ**) имеют презентный суффикс не только в инфинитиве, но и во всех претеритальных формах. В совокупности с ненулевой корневой огласовкой это может свидетельствовать о позднем характере проникновения данных глаголов в назальный класс и нерелевантности их для прояснения вопроса происхождения класса.

Сигматические аористы образованы от основы настоящего времени назальных глаголов (потому зачастую с презентным назальным суффиксом) и, в отличие от глаголов с тематическим аористом в парадигме, не могут проецироваться на праиндоевропейский уровень.

Традиционное разделение по синтаксическо-семантическим признакам на имперфективные инхоативные и перфективные смешивает инфиксальные глаголы с имперфективными суффиксальными. Так называемые «инхоативные» глаголы с назальным суффиксом являются не инхоативами, начинательными глаголами (в отличие от инфиксальных, которые, строго говоря, являются предельными ингрессивами), но мутативами (или, точнее, фиентивами). Терминологическая путаница приводит к тому, что инфиксальным «инхоативам» и суффиксальным мутативам предполагается общее происхождение, от одного праиндоевропейского класса⁴⁹. Перфективные же

⁴⁹ Gorbachov Y. Indo-European Origins of the Nasal Inchoative Class in Germanic, Baltic and Slavic (Ph. d.). Harvard University. – Cambridge, 2007.

назальные глаголы противопоставлены мутативам не перфективностью, но однократностью (семельфактивность или пунктивность).

Рассмотрение вариантов происхождения огласовки назального суффикса инфинитива делает фонетическую закономерность большого юса сомнительной. Также сомнительно сохранение праиндоевропейских форм в подклассе с полной корневой огласовкой, к которому относится большинство глаголов с назальным формантом во всех претеритальных формах. Выведение инфинитивной огласовки из имперфекта есть уход от ответа: хотя исходно славянскому глаголу свойственна двуосновность, противопоставлены презентная и претеритальная основа, назальный класс (в том числе) демонстрирует разрушение этой двуосновности именно распространением и презентного суффикса, и презентной корневой огласовки в претеритальные формы, в том числе во вторичный, образованный на славянской почве имперфект. Совпадение корневой огласовки свидетельствует о вторичности одной из основ. Ненулевая огласовка презенса маркирует вторичность презенса. Нулевая огласовка презенса может интерпретироваться двояко: либо как сохранение закономерной нулевой огласовки корня с суффиксом, восходящее к протоиндоевропейскому состоянию, либо как образование формы презенса от основы тематического аориста с такой же закономерной нулевой огласовкой корня.

При совпадении корневой огласовки однокоренных глаголов разных классов очевидно вторичное вхождение глагола в класс. Для противопоставления корневой огласовки вторичных глаголов в разных классах объяснений может быть два: огласовки вторичных глаголов восходят к уровню протоиндоевропейского либо имеет место «стилизация» под аблаут, для чего необходимо, чтобы существовали первичные глаголы с той же огласовкой как основание для аналогии.

Причина распада славянских суффиксальных глаголов на две группы может лежать не в семантике форманта (которая, как указано выше, относится ко всем формам глагола, а не только с формантом), а в системных про-

тивопоставлениях глаголов: глаголы первого класса зачастую семантически нейтральны (как и назальные презенсы, имеющие с ними общие тематические аористы), в отличие от семантически маркированных четырёх типов глаголов двух йотовых классов. Особенно характерна семантика каузативных глаголов, противопоставленных назальным фиентивам как каузативы и антикаузативы: возможно, антикаузативная семантика возникла из нейтральной вследствие возникновения продуктивности типа каузативов.

Список цитируемых источников

1. Амбразас В. Грамматика литовского языка. – Вильнюс, 1985.
2. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. – М., 1955.
3. Гухман М. М. Готский язык: учеб. пособие. – М., 2008.
4. Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. – М., 1981.
5. Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание. – М., 2004.
6. Мейе А. Общеславянский язык. – М., 1951.
7. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. – М., 1954.
8. Соссюр Ф. де. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках // Труды по языкознанию. – М., 1977. – С. 302–562.
9. Сравнительная грамматика германских языков. В 5 т. Т. 4: Морфология (продолжение). – М., 1966.
10. Хабургаев Г. А. Старославянский язык: учеб. пособие. – М., 1974.
11. Brugmann K. Grundriß der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. – Strassburg, 1886–1900.
12. Burrow T. The Sanskrit language. – London, 1959.
13. Gorbachov Y. Indo-European Origins of the Nasal Inchoative Class in Germanic, Baltic and Slavic (Ph. d.). Harvard University. – Cambridge, 2007.
14. Erhart A. Das indoeuropäische Verbalsystem. – Brno, 1989.
15. Hirt H. Indogermanische Grammatik. Teil IV: Doppelung, Zusammensetzung, Verbum. – Heidelberg, 1928.
16. Kloekhorst A. Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon. – Leiden – Boston, 2008. – P. 145–189.
17. Kuiper F. B. J. Die indogermanische Nasalpräsentia. – Amsterdam, 1937.
18. Lejeune M. Les correspondants italiques de lat. *finxit* et de lat. *fēcit* // Corolla Linguistica. – Wiesbaden, 1955.

19. Leskien A. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache: Grammatik Texte Glossar. – Weimar, 1905.
20. Lexicon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen // unter Leitung von Helmut Rix. – Wiesbaden, 2001.
21. Marstrander C. J. S. Caractère indoeuropéen de la langue hittite. – Christiania, 1918.
22. Milizia P. Proto-Indo-European Nasal Infixation Rule // Journal of Indo-European Studies 32, 2004. – P. 337–359.
23. Otrębski J. S. Einige slavische Wörter mit nicht erkanntem infigiertem Nasal // Zeitschrift für slavische Philologie, 33, 1966/67. – S. 313–321.
24. Pedersen H. Das Präsensinfix *n* // IF 2, 1893. – S. 285–332.
25. Rasmussen J. E. The IE Background of the Slavic Nasal-Infix Presents // Arbejdspapirer udsendt af Institut for Linguistik, Københavns Universitet 7, 1988.
26. Schulze W. Die reduplizierten Präterita des Tocharischen und des Germanischen // Sitzungsbericht der preussische Akademi der Wissenschaften. – Königsberg, 1924.
27. Sihler A. New comparative grammar of Greek and Latin. – New York – Oxford, 1995.
28. Smoczyński W. Hiat laryngalny w językach bałto-słowiańskich. – Kraków, 2003.
29. Stang Chr. Das slavische und baltische Verbum. – Oslo, 1942.
30. Streitberg W. Urgermanische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der altgermanische Dialekte. – Heidelberg, 1896.
31. Strunk K. Nasalpräsentien und Aoristen. – Heidelberg, 1967.
32. Sverdrup J. Der Aorist im germanischen Verbalssystem und die Bildung des starken Präteritums // Festschrift til Hjalmar Falk. – Oslo, 1927.
33. Tedesco P. Slavic *ne*-Presents from Older *je*-Presents // Language, 24, 1948. – P. 346–387.
34. Vaillant A. Hypothèse sur l'infix nasal // BSL 43.1, 1947.
35. Willi A. Origins of the greek verb. – Cambridge, 2018.

Лексикографические источники

1. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. – М., 1980.
2. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб., 1893–1912.
3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э.Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М., 1994.
4. Lyberis A. Lietuvių – rusų kalbų žodynas. – Vilnius, 2005.
5. Streitberg W. Die gotische Bibel: gotisch-griechisch-deutsches Wörterbuch. – Heidelberg, 1910.